

ПРОНИКАТЕЛЬ. ЯРОСЛАВЛЬ, КОТОРОГО НЕТ

ВИКТОР КАМЕНЬ
СЕРГЕЙ МАРКОВ

Виктор Камень

Проникатель.

Ярославль, которого нет

«Автор»

«Автор»

2026

Камень В.

Проникатель. Ярославль, которого нет / В. Камень — «Автор»,
«Автор», 2026

На Авито есть все, даже Проникатель в другие миры! Москва, 2026. Антон Орлов находит книгу со своим лицом на обложке, а вскоре загадочный артефакт переносит его в Ярославль образца 1897 года. Только это не тот город, который знает история: здесь технология выглядит как магия, а за правилами мира следит кто-то могущественный. Но люди всегда остаются людьми, сможет ли Орлов найти дорогу домой или решит остаться?

© Камень В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Книга с моим лицом	5
Глава 2. На Авито есть всё	11
Глава 3. Может, не надо?	17
Глава 4. Удар на 100 рублей	24
Глава 5. Рыжая незнакомка	33
Глава 6. Я помогу вам	41
Глава 7. Писатель, которого нет	49
Глава 8. Человек без прошлого	55

Сергей Марков, Виктор Камень

Проникатель. Ярославль, которого нет

Глава 1. Книга с моим лицом

Это утро началось с «Sunny» Boney M. Уже месяц я снимал однушку в Отрадном, на севере Москвы. Этот район мне понравился: метро рядом, тихо, спокойно и до центра не так уж и далеко.

Я быстро и недорого нашёл квартиру, которая меня полностью устраивала. Докупил всё необходимое и заехал, что называется «с вещами». Соседей почти не видел, никто меня не беспокоил, и я тихо радовался, что наконец живу в Москве: тепло, светло, и с мухами всё в полном порядке. Ещё в школе я уяснил простую жизненную схему: когда всё идёт слишком хорошо — готовься к неприятностям.

Поэтому уже через пару недель безмятежной жизни я был настроен на встречу с «ложкой дёгтя», и она не заставила себя долго ждать.

В то «прекрасное» роковое утро я проснулся... Ну, как «проснулся» — открыл глаза уже сидя на кровати и, судорожно озираясь по сторонам, пытался понять, что происходит.

Я уже давно привык просыпаться в крошечной тьме и первым делом бросился к окну.

Двумя руками, нелепым театральным жестом, отдернул портьеры, едва не оторвав их от карниза. Отметив краем глаза разлетающиеся в стороны крючки, я на миг зажмурился от нестерпимо яркого солнечного света. Повернулся. Быстро осмотрелся: никаких посторонних предметов, ничего необычного...

— Ничего необычного, кроме того, что я стою в одних трусах в восемь утра посреди спальни и смотрю ещё не протёртыми после сна глазами на свою собственную кровать взглядом умалишённого.

И тут мозг наконец выдал: «Metallica», «Enter Sandman». Я наконец понял, что уже с минуту слушаю одну из своих любимых композиций, что у «Металлики», что из рока вообще. Причём звук был настолько мощным, что казалось, будто невидимые колонки стоят прямо передо мной, у изголовья кровати.

— В нашем доме поселился замечательный сосед. Пам-пам! — заорал, пытаюсь перекрыть ревушие колонки, Рифмоплёт. Работающий 24/7 диджей моего подсознания.

— Сосед. Сосед, блин, меломан. Пришла беда, откуда не ждали, — вспомнив про ложку дёгтя, подумал я.

Не увидев никаких труб, идущих в соседнюю квартиру, я понял, что ударами голых рук о бетонную стену вряд ли смогу донести до соседа свой яростный протест.

Организм уже требовал кофе, и, решив, что прослушивание своей любимой песни, пускай и столь необычным способом, не повод нарушать мой утренний ритуал, я прошёл на кухню и включил кофемашину. Уже потянулся за своей любимой кружкой, как в этот момент сосед-меломан, видимо восполнив недостаток дофамина, вырубил наконец свой музон, и в квартире наконец стало тихо.

И теперь, вот уже с неделю, Меломан, как я его мысленно окрестил, пунктуально будил меня по утрам новым треком, задававшим моё настроение на весь день. Шансон, тяжёлый рок, оперная ария на итальянском... Мой живой будильник явно обладал незаурядным музыкальным вкусом, но при этом совершенно не уважал чужих границ. Поначалу это бесило, а потом как-то по привычке. Я заметил, что иногда перед сном даже, бывает, гадаю, чем он разбудит меня завтра.

Я приоткрыл окно, и тишину кухни тут же заполнили шумные звуки уже проснувшейся Москвы.

Взял кружку дымящимся кофе, сел к столу, задумчиво провёл пальцем по краю ободка и, подняв глаза, встретился взглядом с собственным отражением в стеклянной дверце кухонного шкафа, стоящего напротив. На меня смотрел мужчина лет тридцати с небольшим. Короткие русые волосы, лёгкая небритость, спокойный внимательный взгляд. Симпатичный.

— Что ж ты, Антонио? Весь такой симпатичный. В тридцать пять-то лет сидишь на кухне один и разговариваешь со своей кружкой? — ворвался в мои размышления Рифмоплёт.

— В этом деле спешить — только тапочки смешить, — беззлобно отбрил я Рифмоплёта и заметил, как лёгкая тень улыбки скользнула по лицу в отражении.

Вообще-то, я Антон Васильевич Орлов. Диплом инженера-конструктора пылится где-то на полке. Зачитываюсь фантастикой, люблю слушать музыку, почти профессионально играю в бильярд. Кофе — моя отдельная страсть: не просто пить, а разбираться в нюансах.

И еще я — авитолог.

Всего полгода назад я жил в маленьком северном городке. Окончательно закиснул в рутине, хотя и неплохо оплачиваемой, но слишком спокойной, монотонной работы: кабинет, компьютер, начальство, отпуска по расписанию. И я, решив наконец исполнить свою давнюю мечту, начал всерьёз задумываться о переезде в Москву. Хотелось возможностей, времени, денег. Чтобы, оставаясь свободным, жить в городе, не став его рабом.

В поисках удалённой работы решил остановиться на авитологе.

«Почему нет?» — подумал я, просматривая объявления брутальных бородачей с пронизательным, внушающим доверие взглядом, пришедших на замену прекрасным авитологиням с выдающимися формами.

— Бабки — нормальные, работа не пыльная. Куча инфы в открытом доступе. С нюансами, уверен, разобраться смогу. Портрет оффотошоплю побрутальнее, с пронизательным взглядом у меня и так всё в порядке, — рассудил я тогда.

И вот через две недели активного серфинга в сети у меня уже был свой профиль на Авито. С бородатым красавцем на фото и звучным заголовком: «Авитолог Антон. Опыт. Уникальная авторская методика продвижения. Гарантия результата». А ещё через пару дней упали первые деньги. Я смотрел на цифры и не верил. Потом ещё. И ещё... Через пару месяцев я уволился с работы. А ещё через месяц купил билет до Москвы.

И вот я, успешный авитолог со стабильным доходом и кучей свободного времени, уже проживаю в Москве.

Понемногу работаю, понемногу гуляю. Знакомлюсь с городом и его жителями. В общем, веду такую спокойную, ненапряжную жизнь. Даже Меломан, мой странный сосед, который по будням регулярно, ровно в восемь утра, будит меня своими музыкальными экзерсисами, не вызывает у меня уже ни злости, ни раздражения.

В Москве у меня завелась новая привычка. После утреннего кофе я шёл в какой-нибудь парк, сквер. Найдя скамейку, удобно усаживался, доставал книгу и начинал читать. Такие прогулки доставляли мне большое удовольствие: свежий воздух, изучение города не по карте, а ногами, и главная приятность — сам процесс чтения, когда никто и ничто не отвлекает.

Книгами я увлёкся ещё в школе, переняв у отца его страсть к чтению. Я годами одну за другой читал книги из его, огромной по тем временам, библиотеки. Больше всего меня цепляла фантастика: там можно было нарушать фундаментальные законы нашего мира. Причём иногда объяснять его не разгаданные до сих пор тайны логичнее, чем это делала наука.

Потом я постепенно ушёл в фэнтези. У меня появился свой список любимых авторов, и особо радовало, что многие из них, будучи моими современниками, писали продолжения своих бестселлеров с почти неприличной скоростью.

Переехав в Москву и решив свои организационные бытовые вопросы — бельё, подушки, вилки-ложки-поварёшки, — я обнаружил, что в моей новой квартире совершенно нет книг. Не было даже намёка на то, что они когда-то здесь находились: ни шкафа, ни стеллажей, ни даже полки на стене не было. Я начал потихоньку подкупать книги на маркетплейсах, но сегодня решил совместить приятное с полезным — съездить в главный книжный магазин страны, Московский Дом книги на Новом Арбате. Тем более что там я ещё не бывал, а желание посмотреть на «глобус» и дома-книжки у меня осталось ещё со студенческих лет.

Я решил проехаться на метро. Мне всегда нравилось наблюдать в метро за необычными, выделявшимися из толпы персонажами и по дороге придумывать им короткие истории, короткая время. Вот и сейчас я даже не заметил, как добрался до Арбатской. Я поднялся наверх и, быстро дойдя до Нового Арбата, на минуту остановился.

Передо мной открылся вид на один из лучших проспектов страны, а может, и мира, в котором органично сплелись и архитектурное наследие прошлого, и монументальное величие настоящего.

— Сбылась мечта идиота, — пафосным голосом заявил Рифмоплёт, прервав мои размышления о наследии бывшей империи.

— Не идиот, а молодой, красивый, подающий надежды авитолог, — назидательно отшив Рифмоплёта, я, улыбаясь, не спеша зашагал по улице.

Уже перед Новоарбатским мостом я решил перейти на другую сторону и спустился в подземный переход. Через несколько шагов послышались звуки скрипки, пробивавшиеся сквозь шум людского потока, а вскоре я увидел и самого скрипача: высокий, худощавый, с развевающимися на ветру медными волосами. Он, ритмично покачивая головой, пританцовывал посреди окружавшей его толпы и при этом уверенно, вполне профессионально, как мне казалось, наигрывал хорошо известную всем мелодию, которую, правда, мой мозг пока упрямо не хотел узнавать. Мне, с детства равнодушному к музыке, всегда нравилось смотреть на импровизированные выступления уличных музыкантов, и я решил подойти поближе.

Зацепившись взглядом за надпись на белой футболке скрипача: «Ярославль 1897», я уже полез рукой в карман за деньгами, как вдруг:

— Ай лав ю-у, — надрывно затянул припев Рифмоплёт, и только тогда я наконец понял, что уже второй раз за день снова слышу *Sunny*.

Я положил деньги подмигнувшему мне скрипачу и, улыбнувшись в ответ, двинулся к выходу.

Вдоволь насмотревшись на огромные каменные книги, на современную версию глобуса — культового арт-объекта ушедшей эпохи, я зашёл в МДК. Не спеша прошёлся по залам первого этажа и, ненадолго задержавшись у отдела нумизматики и филателии, поднялся на второй этаж.

Поплутав немного в проходах отдела художественной литературы, нашёл наконец интересовавший меня раздел фэнтези.

С азартом рыбака, заметившего, как задёргался давно застывший поплавок, начал не спеша, наслаждаясь моментом, изучать содержимое книжных полок. Книги тянулись вдоль стен плотными, аккуратными рядами. От одного их вида внутри возникло знакомое, почти уже забытое чувство, как в детстве: когда заходишь в библиотеку и из моря книг, раскинувшегося перед глазами, долго и мучительно выбираешь одну. Понимая при этом, что тебе, и всей жизни не хватит, чтобы прочесть их все.

Медленно двигался вдоль стеллажей, скользил взглядом по корешкам. Я не искал конкретную книгу, скорее выбирал нужное мне настроение.

Некоторые названия вызывали тёплые воспоминания — с ними мне когда-то было интересно. Другие, наоборот, напоминали о разочарованиях. Такое бывает с некоторыми, бодро

начатыми сериями, к которым теряешь интерес, раньше, чем бы этого хотелось. Когда герои плавно «превращаются» в глянцевый пластик. Когда таинственные загадки подменяются кучей непонятных объяснений. Я пару раз брал такие книги в руки, пролистывал, и возвращал на место, словно примеряя на себя, когда-то отлично на мне сидевшие, старые вещи.

Я скучал по хорошей книге, которая не требует у читателя усилий, не давит трендами и не пытается понравиться любой ценой, а просто берёт и затягивает в себя с головой. Хотелось именно такого, чтобы вечера заканчивались не в телефоне, а в мире, из которого не хочется выходить как можно дольше.

Выбор был просто огромный: от классики признанных мэтров до новых романов неизвестных мне авторов. Я не удержался и пробежал глазами несколько страниц широко разрекламированной новинки, вышедшей, насколько я знал, буквально на прошлой неделе.

— Однако быстро тут в Москве всё делается, — возвращая будущий бестселлер на полку, констатировал я и уже потянулся было к следующей книге, как взгляд остановился на стоявшем неподалёку рекламном стенде. На нём эффектно, будто подчёркивая её особенный статус, располагалась всего одна книга. Её яркая, сочная, сверкающая в лучах софитов, глянцевая обложка, словно мощный магнит, притянула к себе моё внимание.

Я взял книгу в руки. С обложки на меня смотрел суровый мужчина средних лет в тёмном бархатном сюртуке. Благородные черты, величественная осанка, едва заметная улыбка. Встретив его цепкий, словно оценивающий, взгляд, у меня вдруг возникло ощущение, словно важная, могущественная персона, увидев простого смертного с этой обложки, снисходительно решила получше его рассмотреть.

За этим правителем — то ли князем, то ли княжеским воеводой (а сейчас такие персонажи присутствуют в большинстве фэнтезийных сюжетов), в общем, главным перцем своего мира — на фоне мрачного готического пейзажа расположились маг в странном шлеме, девушка и какой-то мрачный то ли колдун, то ли злодей.

«Проникатель. В ТЕНИ ВЕЧНОСТИ. Часть первая» — прочитал я название. Чтобы убрать слепящие меня блики, я повернул книгу немного под другим углом и...

Мгновенно выступившая на лбу испарина вместе с возникшей тут же неприятной дрожью в ногах заставила меня замереть на месте. Я сфокусировал взгляд на обложке, и сердце, дрогнув, резко рванулось. Так что я, пожалуй, впервые в жизни ощутил на себе, что «выскочить из груди» — это не просто фигура речи.

С зажатой в похолодевших ладонях глянцевой обложки на меня, ехидно улыбаясь, смотрел... я сам. Собственной персоной.

Конечно, в другой одежде. Конечно же, слегка изменившимся из-за бороды, которой у меня никогда и не было, но я.

Повернул книгу под другим углом — сходство не исчезло.

Словно боясь спугнуть промелькнувшую надежду, я затаил дыхание и, приблизив книгу к глазам, внимательно всмотрелся ещё раз.

— Значит, не показалось, — помрачнев, выдохнул я и задумался:

— Бред какой-то. Это невозможно. Такого просто не может быть. Откуда здесь моё лицо? Я не актёр, не певец, даже не блогер, в конце концов. Единственное место в сети, где есть моя фотография, — профиль на Авито. И да, там я с бородой. С этой дурацкой бородой, которую пририсовал себе в фотошопе ради прикола.

Особой ясности эта гипотеза не внесла. Я прекрасно понимал, какой небыстрый и совсем не простой путь должно было пройти фото, чтобы оказаться на обложке.

— Я знаю точно: невозможное возможно-о, сойти с... — ворвался в мои мысли Рифмоплёт.

— Сойти с ума звучит, конечно, неплохо. Но должно же быть и другое, более разумное объяснение, — усмехнулся я про себя, и рассудок, не желая сдаваться, начал сыпать версии,

которые я тут же сам и опровергал: розыгрыш — но никто не знал, что я в это время окажусь именно здесь; технология — но книга была настоящей, с ещё пахнувшими свежей типографской краской бумажными страницами. Сон? Переутомление? Галлюцинация? Я бы понял ещё, если бы не спал трое суток. Но я был в полном порядке. Не считая, конечно, лёгкой дрожи в ногах да холодных вспотевших пальцев.

Я покосился по сторонам. Посетители деловито сновали вокруг, не обращая внимания на застывшего, словно статуя, чудака с зажатой в полусогнутых руках книгой перед носом.

Подумав, что пара глотков горячего кофе сейчас мне явно пошла бы на пользу, я, не выпуская книгу из рук, направился к кофейне. Удобно расположившись за столиком с капучино в руке, я положил книгу на стол, предусмотрительно перевернув её названием вниз. Кофе, к моему удивлению, оказался превосходным, и с каждым глотком мир, окружавший меня, становился всё более привычным и обыденным. Поставив на стол пустую чашку, я, уже немного успокоившись к этому времени, медленно огляделся вокруг. Я попытался было переключиться на бурлящую энергией городскую суету за окном, но мысли упрямо возвращались к загадочной книге.

— Надо отбросить мистику, включить логику и попробовать спокойно разобраться в этой истории ещё раз, — наконец решил я и вдруг поймал себя на мысли: я до сих пор не знаю, кто написал эту книгу. Я не увидел имени автора рядом с названием, а взглянуть на обратную сторону обложки до сих пор не удосужился.

Я пододвинул книгу поближе. На небольшой прямоугольной плашке было фото и короткая аннотация: «Великую войну двух миров завершит пришелец из третьего».

Имя «Эдвард Гофман» не вызывало у меня никаких воспоминаний, как и его портрет. Такое лицо было бы трудно забыть. Лысый, с неестественно высоким лбом, прямым античным носом и огромными глазами. Он немного напоминал инопланетянина из комикса, и немного заострённые кончики ушей лишь усиливали это сходство.

— Инопланетянин, под видом писателя-фантаста прибывший на Землю с целью раскрытия межпланетного заговора... Это было уже больше похоже на сюжет фантастического романа, — раскритиковал я тут же возникшую очередную бредовую версию и понял, что выдохся. Я попросил ещё кофе, сфоткал на всякий случай обложку с обеих сторон и, в ожидании заказа, устался в окно. Пока я допил капучино, на улице уже начало вечереть.

Яркие огни Нового Арбата, красочные рекламные ролики, быстро сменявшие друг друга на огромных светодиодных экранах, напомнили, что на дворе 2026 год, а не вот это вот полумистический триллер, терзавший мой рассудок последние несколько часов.

Я встал, расплатился за книгу и, крепко держа её в руках, вышел на улицу. Быстро добрался до Арбатской, не обращая внимания на городскую суету вокруг.

Меня наполняло предвкушение. Я уже представлял, как, придя домой, налью себе капельку «Торреса», сяду в мягкое кожаное кресло и, забросив ноги на пуфик, начну читать. Я, перейдя на Боровицкую, зашёл в вагон остановившегося передо мной поезда.

До Отрадного было ещё восемь остановок. Я сел в конце вагона, прислонился к стене и, не устояв перед искушением, раскрыл книгу.

Начиналось всё с пролога, в котором автор очень упрощённо, сухим языком справочника попытался описать историю трёх миров: коммуникации, сложные технологии, фундаментальные законы магии, единые для всех рас.

Была глава, посвящённая Проникателю — устройству, позволявшему его обладателю мгновенно перемещаться между мирами. Был целый раздел, посвящённый контактам двух старейших миров с миром людей. Я дошёл до главы о человеке из третьего мира, который должен был вмешаться в чужую войну. Не став углубляться в подробности, я перелистнул несколько страниц и наткнулся на разворот с ярким, казавшимся сделанным от руки рисунком. *Карта мультивселенной* — гласила надпись сверху, а под ней...

Высокая, мощная стена окружала обширное квадратное пространство. Внутри стояли четыре крепости, походившие на песочные, местами ещё незаконченные замки. Самая маленькая была подписана: *Люди*. Остальные три — *Вершител**и*, *Совершенные*, *Стронгер**ы* — соединялись между собой дорогами. К людской крепости вели лишь тонкие извилистые пунктиры. Возвышаясь над стеной, сверху за этим всем с неподдельным интересом наблюдало огромное, мудрое, спокойное лицо. Я попытался взглянуть в детали, как отяжелевшие веки на секунду опустились. Я, вздрогнув, открыл глаза и...

Мой взгляд упёрся в лицо склонившегося надо мной человека, который беззвучно, как в немом кино, шевелил губами, потрясывая меня за плечо.

— Конечная, — наконец я расшифровал доносившиеся до меня звуки. Я, всё ещё не понимая, чего от меня добиваются, огляделся вокруг и только тогда понял, что нахожусь на Алтуфьевской — конечной станции метро моей ветки. Я резко вскочил и, ещё не успев повернуться, уже знал, что увижу...

Книги не было. Ни на сиденье, ни под ним, ни рядом. Она испарилась!

— Ну ты, Антоша, в своём репертуаре. Опять заснул на самом интересном месте. Пять минут не смог продержаться? — не удержался от своей оценки Рифмоплёт. Оправдываться у меня уже не было ни сил, ни желания. И я, с гордо опущенной вниз головой, медленно вышел из вагона.

Глава 2. На Авито есть всё

Домой я вернулся усталым, разбитым и опустошённым.

Ничего не хотелось, и даже бутылка Торреса, призывно стоящая на столе, не вызвала у меня интереса. «Спать. Завтра. Всё завтра. А сейчас — спать», — решил я и, не раздеваясь, без сил завалился на кровать.

В голове тут же закружился рой весь вечер преследовавших меня мыслей. Огромный, запутанный клубок вопросов: «кто, зачем, как, почему?» — безрезультатно метался в моей голове, не давая сосредоточиться ни на чём другом.

Знал по своему опыту, что если ещё хоть минуту продолжу думать об этой истории, то останусь и вовсе без сна, но это совершенно не вязалось с моими планами. Именно завтра у меня была назначена встреча с моим первым, по-настоящему крупным, заказчиком, о которой мы договорились ещё неделю назад.

Я проработал вполне успешную, как мне показалось, стратегию продаж их красивых, напичканных технологиями, модульных домов ещё вчера. И сегодня рассчитывал успеть закончить её финальную шлифовку.

Но история с книгой, напротив выбив меня из колеи, поставила теперь под угрозу срыва успех столь важной для меня встречи.

— Спать, — наконец решительно скомандовал я, повернулся набок и, приняв свою любимую с детства позу эмбриона, закрыл глаза. Тут же навалившаяся на меня усталость буквально вдавила мою голову в подушку, и я уснул.

На следующее утро я проснулся раньше обычного. До утренней побудки в исполнении Меломана оставалось ещё не менее часа. Я, решив не терять зря времени, постоял под холодным душем для бодрости и, выпив свой обязательный для этого часа двойной эспрессо, перешёл в комнату и, усевшись за рабочий стол, открыл ноут.

Работа меня быстро увлекла, на время отодвинув все мои переживания на второй план. Я закончил редактировать презентацию и, закинув руки за голову, беззаботно откинулся на спинку кресла.

Я был доволен как удав, сомкнувший свою пасть, на загипнотизированной им жертве, в предвкушении сытного обеда. Уверенный, что моей добыче уже никуда не деться, я начал фантазировать, как потрачу ещё не заработанные, но уже такие близкие деньги.

За этими приятными мыслями о красивых машинах, белоснежных пляжах, крутых шмотках с Roizon я немного замечтался. И, хотя внутренне и был готов, внезапно раздавшиеся мощные звуки очередного шлагера от Меломана заставили меня буквально подпрыгнуть. Да так, что я еле успел поймать слетевший со стола ноутбук.

— А может, снова всё начать? Я не хочу тебя терять. Я не могу тебя терять. О, как мне быть, — застонал своим мощным чувственным голосом за стенкой Серов, исполняя свой неувядаемый хит.

«Как мне быть» эхом отозвалось внутри, и на меня нахлынули тревожные воспоминания о вчерашнем дне. Красивые картинки тут же растаяли, уступив место отчётливому образу героя с обложки, так поразившего своим сходством со мной вчера.

Книга, с подачи Меломана, настойчиво напомнила о себе. Музыка продолжала греметь в ушах, и я, решив дождаться окончания этого бесплатного концерта в менее напряжённой обстановке, плотно прикрыл за собой дверь и перешёл в «кабинет». Так я шутливо называл наспех оборудованное прямо у окна на кухне рабочее место.

Здесь было и впрямь немного потише. Я уселся на стул и развернулся к окну.

Работая в «кабинете», мне нравилось смотреть на «Алтушку». Её нескончаемый поток машин, несущихся по своим делам с раннего утра и до поздней ночи, мерный монотонный гул

шуршащих по асфальту покрышек безотказно настраивали меня на продуктивный рабочий режим.

Так и сейчас вид еле ползущего в пробке потока машин меня немного отвлёк, и мысли снова переключились на вчерашние события.

До встречи с заказчиком оставалось ещё несколько часов, и я, не обращая внимания на продолжавшего бушевать за стенкой Меломана, принялся не спеша отделять «факты» от «плевел».

Итак, факты:

- я ездил вчера в МДК с целью подобрать себе книгу для чтения;
- нашёл подходящую книгу и купил её;
- поехал домой на метро, не выпуская книгу из рук;
- начал читать книгу и успел прочесть несколько десятков страниц перед тем, как уснуть;
- помню название книги, имя и фамилию автора;
- частично помню отрывки, которые успел прочесть;
- книга исчезла;
- и главное — именно я и был на её обложке.

Вот, собственно говоря, и весь анамнез. А вот с диагнозом начинались проблемы...

В этот момент музыка наконец стихла, и я, вернувшись в спальню, удобно расположился в своём стареньком итальянском кожаном кресле — моём домашнем центре принятия важных решений. Я вытянул ноги, потянулся и, закрыв глаза, вернулся к размышлениям.

С диагнозом, а точнее, с полным его отсутствием, и вправду всё было непросто.

И вот это бесило сильнее всего. Не сама книга, не её пропажа и даже не моё лицо на обложке — а то, что моя внутренняя аналитическая машина, обычно без особого труда справлявшаяся с любым хаосом, превращая его в понятную логичную схему, на этот раз безрезультатно буксовала на месте. Я всегда считал, что если уж я чего-то не понимаю, то это ненадолго: разберусь, разложу по полочкам, найду объяснение. Но здесь не находились даже полочки, на которые можно было бы что-то разложить. И это уже пахло настоящей паникой.

Со стороны могло показаться странным, что я так сильно переживаю утрату. Сама по себе потеря книги, которую мне лишь пару минут довелось подержать в руках, не стоила такой реакции. Я терял вещи и поважнее. Но сейчас у меня пропала не вещь — пропала сама точка опоры. Пока книга была у меня в руках, происходящее ещё можно было считать хоть и загадочной, странной, но реальной историей. Без неё же всё сразу начинало походить на плод моего не на шутку разыгравшегося воображения.

Покончив наконец с затянувшимся самоанализом, я тяжело вздохнул. Вот это и продолжало беспокоить меня до сих пор.

Я помнил слишком много, чтобы просто взять и отмахнуться от случившегося. Но понимал слишком мало, чтобы хоть как-то это объяснить. А с нелепой потерей книги не было абсолютно ничего способного подтвердить, что всё это произошло на самом деле.

Вернувшись к своим невесёлым размышлениям, я решил зайти немного с другой стороны. Допустим можно применить теорию заговора к пропаже книги, что, конечно, тупо и притянута за уши. Но тогда, что делать с мучавшим меня вопросом: «Как вообще моё лицо могло оказаться на обложке?»

Этот самый важный, не имевший простого очевидного решения, вопрос порождал целую вереницу бредовых версий, среди которых варианты с элементами конспирологии казались далеко не самыми идиотскими.

Да. Сходство с главным героем меня удивило, поразило и не вызывало сомнений. Но это было вчера. Теперь же эта уверенность начала потихоньку сдавать назад. Я открыл на телефоне вчерашнее фото обложки. Снимок оказался забликанным, к тому же чуть смазанным.

Похож. Конечно, похож. Но... между «похож» и «это я» вдруг появилась трещина. И мой разум тут же ухватился за неё как за спасательный круг.

Признать хоть и слабую, но вполне удобную, безобидную версию сегодня было гораздо проще, тем более что главная улика бесследно испарилась.

«Показалось. Неудачное освещение. Просто стресс. Лёгкое переутомление» — мысли паутиной обволакивали моё расслабившееся наконец сознание. Я ощутил, как приятное покалывание тысяч иголок в затылке тёплыми волнами разлилось по всему телу. Дыхание выровнялось, отяжелевшие веки начали медленно смыкаться...

— Первым делом, первым делом — самолёты... — уловив доносившийся словно изда- лека тихий голос Рифмоплёта, я приоткрыл глаза.

— Антонио! Соберись! Встреча сама себя не проведёт, — уже встревоженно заорал Рифмоплёт, наблюдая за моей заторможенной реакцией.

Я вскинул взгляд на часы.

— Осталось только вот так, на ровном месте, запороть то, к чему так долго шёл, — я признательно подмигнул Рифмоплёту, вскочил и начал собираться.

Простояв минут десять у зеркала, я наконец собрал из своего разношёрстного «расслабленного» гардероба деловой, в моём понимании, образ. Я решил поехать на встречу «с ветерком» и вызвал такси.

Погода стояла прекрасная, водитель сверкающего на солнце авто бизнес-класса был вежливо немногословен. Я с удовольствием смотрел на менявшийся облик города за окном. Чем ближе мы подъезжали к Сити, тем Москва становилась строже и деловитее. С набережной открылся величественный вид на деловой центр. Солнце играло на зеркальных стенах небоскрёбов, отражавших ослепительно голубое небо. Башни, возвышаясь над рекой, словно стражи охраняли этот мир денег и власти от всего постороннего. Я вышел из машины, поправил пиджак и на секунду почувствовал себя человеком, которому выдали временный пропуск в чужую, дорогую и очень серьёзную жизнь.

— Не профукай свой шанс, Антонио, — решительно подумал я, пытаясь сдержать охватившее меня волнение, входя в здание.

Лифт плавно поднял меня на сороковой этаж. Двери раздвинулись, открывая вид на просторный холл. Белый мраморный пол, стеклянные стены, современная мебель. Через панорамные окна открывался завораживающий вид на раскинувшуюся до самого горизонта Москву.

На ресепшнере меня уже ждали. Приятная девушка в строгом костюме провела в переговорную комнату. Небольшой круглый стол по центру, пара кожаных кресел с кофейным столиком у дальней стены, да ещё огромный, дюймов под сто, наверное, ЖК-экран на стене.

— Дорого и сердито, — подумал я, оценив вполне соответствующую моим представлениям обстановку.

— Добрый день, Антон, — навстречу мне из-за стола поднялся худощавый мужчина лет сорока.

— Евгений, рад познакомиться, — вежливо улыбнувшись, продолжил он, остановившись возле меня. Мы обменялись рукопожатием, и, показав, где я могу расположиться, он вернулся на своё место. Я подключил свой ноут и, когда на экране возник первый слайд моей презентации, вопросительно посмотрел на присутствующих.

«Начинайте», — одобрительно кивнул головой Евгений, и его взгляд, равнодушно скользнув по экрану, остановился на мне. На долю секунды я ощутил глубоко внутри лёгкий неприятный укол. Не отвлекаясь на самоанализ, я отвёл глаза и приступил к презентации.

— Начну с анализа текущей ситуации на рынке, — мой голос зазвучал ровно и уверенно. Я переключал слайды, комментировал графики, показывал таблицы, объяснял схемы. Евгений внимательно слушал, не перебивая, иногда делая пометки в блокноте.

— Именно поэтому я и предлагаю применить в вашей нише эту стратегию, — наконец закончил я. Довольный собой, облегчённо выдохнул: презентацию я провёл «без сучка и задоринки», как учили.

— Я не ошибся в вас, Антон, — скрипучий властный голос неожиданно пронзил повисшую тишину из дальнего угла комнаты.

Я резко повернулся. В кресле сидел человек, которого ещё секунду назад я готов был поклониться, там точно не было. Худой, собранный, с неподвижным лицом и колючим, пронзительным взглядом, от которого у меня неприятно сжалось внутри. Человек медленно поднялся, оправил идеально сидевший на нём костюм и величавой царственной походкой направился к выходу.

Он, остановившись у двери, с минуту говорил что-то почтительно склонившемуся перед ним Евгению. Уже шагнув за порог, он вдруг резко обернулся и с загадочной улыбкой посмотрел на меня.

От неожиданности я вздрогнул. Я наконец узнал его. Тот Маг, нарисованный на обложке, теперь смотрел на меня живьём...

Дверь за Магом захлопнулась. Я зажал непослушными одеревеневшими пальцами ноут и, пытаясь казаться невозмутимым, направился к выходу. Подждавший меня у двери Евгений неожиданно рассмеялся, пожимая мне руку:

— А вы далеко пойдёте, молодой человек, — и, шагнув за мной в коридор, добавил, понизив голос:

— И, кстати, Антон, босс распорядился удвоить ваш гонорар. Аванс уже на счету. Поздравляю!

Я вызвал лифт и, оказавшись в просторной кабине, не удержался и открыл своё банковское приложение. Пытаясь остановить возникший тут же мандраж, глубоко вздохнул, задержал дыхание и, благо в лифте никого не было, шумно выдохнул. Взгляд непроизвольно снова упал на экран:

— Про гонорар Евгений не шутил. Да и не похож он был на шутника вовсе, — думал я, с удовлетворением рассматривая мою первую в жизни семизначную цифру.

Выбравшись наконец на свежий воздух, я вскинул голову. Исполинские зеркальные стражи всё так же равнодушно смотрели с высоты, не обращая внимания на мой успех. И в этом стеклянном безмолвии мне вдруг стало так спокойно, будто никакого Мага с обложки исчезнувшей книги не существовало.

А вот деньги на счету всё-таки были. И вполне реальные. Я всё-таки не провалил этот важный экзамен.

Мне захотелось немного задержаться в этой реальности. Сделать что-нибудь понятное, обычное, человеческое. Например — побаловать себя вкуснейшим, тающим во рту стейком под бокал-другой испанского «Gran Reserva». Сегодня явно это заслужил.

— Гулять так гулять, — поддержал меня повеселевший Рифмоплёт. И уже через пару минут, усевшись на мягкое кресло ожидавшего меня чёрного представительского седана, я мчался к лучшему мясному ресторану в городе.

Следующие пара часов пролетели как одно, наполненное истинным для гурмана наслаждением, мгновение. На улице уже смеркалось, когда я, закончив пиршество чашкой изумительного эспрессо, поехал домой. Уже по дороге, наблюдая за вечерней жизнью ярко освещённых улиц Москвы, я вдруг осознал странный факт: деньги были настоящими, стейк просто божественным, ресторан правильным. Да и сам день для меня сложился почти идеально. Только вот радость на этот устроенный мною праздник жизни так и не пришла.

Я будто со стороны смотрел на свою собственную жизнь через стекло: всё видно, всё чинно, солидно, красиво. Всё вроде бы моё. Но прикоснуться, потрогать — нельзя. И именно это и настораживало больше всего.

Видимо, действие в избытке полученных мной гормонов счастья оказалось недолгим. И вскоре моя яркая глянцевая карета такой успешной сегодня жизни, ещё не доехав до дома, превратилась в обычную растрескавшуюся тыкву, населённую князьями, магами и прочими, портящими мне жизнь своими загадками.

Переодевшись, я удобно устроился в кресле, и вот тут меня накрыло опустошительное спокойствие.

— Что теперь? — этот вопрос неприятным послевкусием повис в моём сознании.

Я нехотя взял телефон и открыл фотографию обложки этой злосчастной книги. Я не ошибся — это был Босс из Сити. Вернее — Босс и был Магом с обложки.

— Был человеком, похожим на Мага, — наконец я выдал чёткую формулировку. Легче от этого вывода не стало. Наоборот — мысли только накалились:

— Если уж я умудрился попасть на обложку, то почему бы и Боссу там не оказаться? И всем другим: Евгению, девушке с ресепшена, водителю?! — понимая, что уже начинаю паранойю, я выключил телефон.

Я был зол. Раздражён. И, что бесило больше, — беспомощен. Взгляд остановился на так и не открытом вчера Торресе.

— Раз пошла такая пьянка, — вышел из глубокого подполья Рифмоплёт.

— Режь последний огурец, — подхватил я и прошёл на кухню.

Закусывать виски, бренди и даже коньяк маринованными огурцами я научился ещё студентом. «Не запивать, а заедать» — вспомнил я девиз тех времён, доставая из холодильника стеклянную банку. Сообразив нехитрую закуску, я, прихватив ноутбук, вернулся в кресло. Сделал глоток, открыл ноут, запустил браузер. Пальцы сами забегали по клавиатуре:

— Эдвард Гофман. Писатель. Результаты: 0.

Я не поверил и полез дальше: другие браузеры, архивы, книжные форумы. Чем больше я искал, тем яснее становилось: в сети не было даже следа. Ни автора. Ни книги. Ни издательства. Ничего.

— Надоело. Хватит на сегодня, — раздражённо хлопнув крышкой ноутбука, подумал я. Сделал ещё добрый глоток и вскоре почувствовал, как раздражение постепенно уходит, оставляя после себя лишь лёгкую ленивую апатию. Торрес прекрасно справлялся с поставленной задачей.

— Проверю почту, гляну новости — и баиньки, — я взял телефон и, в чём был, завалялся на кровать. Не выдержав, похвастался родителям. Потом коротенько ответил на запросы потенциальных заказчиков, благо их было немного. Читать расхотелось. Как и спать, впрочем, тоже.

Взгляд бесцельно упёрся в потолок. Хотелось отвлечься, чем-то занять голову. Чем угодно, лишь бы не возвращаться к этим надоевшим уже мыслям.

Выключив свет, я неподвижно лежал с открытыми глазами. Экран телефона плавно потух, и теперь ни один лучик света не проникал в это царство затаившейся вокруг меня темноты. И вдруг в этой крошечной тьме замерцала слабая неуверенная искорка. Она заматалась в глубинах моего сознания, пытаясь выбраться наружу. С каждой секундой она разгоралась всё ярче и ярче, пока наконец не взорвалась ослепительной вспышкой в моей голове.

Промелькнувшая мысль была настолько абсурдной, циничной и забавной одновременно, что просто идеально легла на давно зревший во мне протест против затянувшейся безысходности. Я, не задумываясь, взял телефон, открыл Авито и набрал: «Проникатель в магические миры». На секунду палец завис над кнопкой поиска. Я усмехнулся: если уж и сходить с ума, то, где как не на родном Авито.

Нажав кнопку, я разом выпустил весь пар, давивший изнутри, и, сразу успокоившись, вернулся в обыденную реальность: встал, капнул себе ещё Торреса, глотнул, закусил огурчиком, тщательно вытер салфеткой руки и лишь тогда снова улёгся на кровать.

Рука сама потянулась к телефону. На этот раз результат был — и не один. Продавалось всё что угодно, но обязательно магическое: свечи, шары, жезлы, зеркала, карты, книги, артефакты. Даже магический трёхдверный шкаф. Я уже был на третьей странице, как взгляд остановился на коротком объявлении без фотографии.

«Проникатель в магические миры. Немодифицированный. Оригинал. Мало б/у. Состояние рабочее. Гарантия возврата. Курьерская доставка. Цена 950 руб.»

— Ну вот. Всё и прояснилось. Мошенники уже и до магии добрались, — подумал я и открыл профиль продавца:

— Меньше месяца на Авито. «Звонить» — недоступно, можно только «Написать».

Рука потянулась к бокалу и остановилась:

— А может, это шанс откупиться от этого наваждения? За вполне приемлемую плату?

Меня вдруг взбесила сама мысль, что реальность может так тупо и совершенно спокойно надо мной глумиться.

Я мрачно ухмыльнулся и, сделав глоток, нервно, назло всему, назло самому себе, с силой нажал «купить».

Уже принимая свою любимую сонную позу, услышал короткий звук банковского уведомления.

— Вот и всё. Финита ля комедия, — удовлетворённо пробормотал я, засыпая...

Глава 3. Может, не надо?

Утро началось не совсем обычно.

Я открыл глаза в тишине и несколько секунд лежал неподвижно, привыкая к странному ощущению: Меломан ещё не добрался до своей адской шарманки, а спать уже совершенно не хотелось. Я раздражённо ткнул пальцем в телефон: шесть сорок пять. Цифры вспыхнули в темноте и тут же погасли. Обычно, проснувшись раньше времени, я накрывал голову подушкой и тут же уходил в сон. Но не в этот раз. Сегодня, лишь открыв глаза, я уже почувствовал себя злым и раздражённым.

Я взял телефон, открыл банковское приложение и ещё раз посмотрел на семизначную сумму. Цифры никуда не делись. Реальные, официально заработанные деньги спокойно лежали на счёте, и с этим было не поспорить. Я провёл большую работу. Добился серьёзного успеха. Я был вообще-то «большой молодец» — как бы сказала мама, и должен был, по идее, хоть немного этому радоваться. Но вместо радости перед глазами висело властное лицо человека из переговорной. С хищной улыбкой, снова и снова произносившее своим скрипучим голосом: «Я не ошибся в вас, Антон».

Да и какой радости можно было ждать от долгого, нудного копания в сети. В это не верилось до сих пор, но этот остроухий Писатель вместе со своей злополучной книгой умудрились не оставить даже намёка на цифровой след.

Не говоря уже об импульсивной ночной покупке мифического Проникателя, казавшейся теперь упрямой злорадной дурью.

Я спустил ноги с кровати и сел с краю, уныло опустив голову в пол. Ответа всё равно не было...

По-настоящему необычным это утро стало чуть позже — когда, выйдя из ванной, вместо мощных аккордов очередного хита я услышал, как за стенкой заскрежетала патефонная игла, пару раз сухо щёлкнула пластинка, и сквозь шипящие потрескивания полились волнительные звуки виолончели.

— Винил?! Уважаю, — поставив мысленный лайк выросшему в моих глазах Меломану, подумал я, как:

— Что день грядущий мне готовит? — раздался певучий, с детства знакомый голос. По телу пробежали мурашки. Эту арию в исполнении Собинова, любимого маминого певца, я знал наизусть.

— Паду ли я, стрелой пронзённый... — в полный голос подпевая великому русскому тенору, я прошёл на кухню и принялся готовить навеянный ностальгией «мамин» завтрак.

Завтрак, как в детстве, и двойной эспрессо сделали своё дело. Мир, по крайней мере на ближайшие полчаса, снова стал похож на нормальный: кухня, чашка, знакомый вкус, утренний свет и притихший Меломан за стенкой.

Но вопрос с книгой так никуда и не делся.

В интернете я уже упёрся в глухую стену. Зато оставалось место, где я точно держал её в руках. Тот самый рекламный стенд на втором этаже Главного Книжного магазина страны.

Если книга реально существовала, там должен был найтись хотя бы ещё один экземпляр. Если нет — это тоже следовало выяснить. И не на своей кухне, а там, где и началась эта странная история.

Я быстро собрался и уже через час поднимался на второй этаж МДК. Оказавшись в нужном отделе, неторопливо походил по рядам, внимательно разглядывая хоть немного схожие с «Проникателем» корешки выставленных книг. Наконец, обогнув очередной стеллаж, я оказался у цели.

На месте, где тогда стоял «Проникатель», теперь располагался свежий том распиаренной модной саги в солидной глянцевой обложке. Увидев имя автора, я немного удивился. Я уже был знаком с этой, неплохой в целом, серией. Не так давно я закончил читать последнюю книгу этой эпической саги и никак не ожидал увидеть её продолжение так скоро.

Я взял книгу, внимательно осмотрел её со всех сторон, перелистнул пару страниц и, не обнаружив ничего необычного, на секунду задумался:

— Читать дома как нечего было, так и нет. А ведь два дня назад я приезжал сюда именно за этим. Да и в МДК каждый раз особо не наездишься.

Я в нерешительности повертел книгу в руках.

— Не шедевр, конечно, но почитать на досуге вполне, — наконец решил я и направился к кассе. Проходя мимо стоявшего рядом консультанта, я решил всё-таки испытать свою «горькую чашу разочарования» до дна:

— Молодой человек. Пару дней назад на этом самом стенде я видел книгу. Э-э-э, «Проникатель» Эдварда Гофмана, кажется. Не подскажете, где я могу её найти? — не отводя взгляд от парня, спросил я.

— Прошу прощения. Проникатель? Это исключено, — ничуть не смутившись, ответил парень и продолжил уверенным, безапелляционным тоном:

— На этом стенде у нас уже вторую неделю — только этот бестселлер. На полном эксклюзиве к тому же.

— Если б ты только знал, какой «эксклюзив» я взял с этого стенда два дня назад... — удручённо вздохнув, я продолжил путь к выходу.

— Ну, не шмогла я, не шмогла, — уже на улице попытался поднять моё упавшее настроение Рифмоплёт. Шутить у меня никакого настроения не было:

— Попытка — не пытка, — сухо ответил я ему и вызвал такси. Едва отъехав от магазина, в голову полезли унылые мысли.

Я в очередной раз попытался докопаться до истины. И снова безрезультатно. Я рассчитывал хотя бы на скучное: «закончилась», «переставили», «спросите у администратора». Но к такому категоричному «это исключено» я точно не был готов.

Оставалось пока притормозить застопорившееся расследование и заняться нормальной человеческой работой, за которую, к тому же, неплохо платили.

Вернувшись домой, я сразу засел за работу. Евгений к вечеру ждал отчёт, а для этого мне ещё нужно было успеть обработать достаточно большой массив данных. Время летело, пальцы порхали над клавиатурой, чашки кофе одна за другой телепортировались на мой стол и так же незаметно пустели.

За работой я не заметил, как наступил вечер. Я подошёл к окну. Мне нравилось наблюдать за солнцем на закате, когда на его багрово-красный диск, из-за оптической иллюзии кажущийся ещё больше, можно было смотреть прямо и, уже не шурясь, наблюдать, как он медленно проваливается за горизонт. Я стоял и отрешённо смотрел на закат, пока давно уже голодный желудок наконец не напомнил о себе.

Сразу захотелось есть, и перед глазами тут же возник баннер с огромным, аппетитно парившим на блюде люля-кебабом. Я уже бывал в этой узбекской кухне прямо в соседнем доме, и каждый раз люляки, как я их называл, были вполне достойными, по крайней мере на мой непритязательный вкус.

— Так и быть. Сегодня обойдусь доставкой, — подумал я и сделал заказ.

Для отчёта не хватало ещё всего пары таблиц, и я, как уставшая лошадь при виде родной конюшни, с удвоенной энергией окупнулся в работу.

Раздавшийся звук домофона заставил меня посмотреть на часы:

— Пряма́ какая-то суперскоростная доставка, — подумал я, открывая дверь. Машинально взял протянутый мне небольшой пакет, черкнул закорючку на экране и, проводив взглядом курьера до лифта, захлопнул дверь. Уже на кухне стало понятно:

— Люляками тут и не пахнет. Причём ни в прямом, ни в переносном смысле.

— Вот и вчерашний приступ идиотизма приехал, — наконец сообразил я, доставая небольшую продолговатую коробку из обычного гофрокартона. В коробке находились завернутый в пупырку предмет и сложенный вдвое листок бумаги.

«Проникатель. Мобильный корректор флуктуации метрики. Инструкция пользователя» — эти три строчки, напечатанные на обычном принтере, позабавили меня своей уверенной наглостью. С одной стороны, я уже еле сдерживал подкативший к горлу приступ хохота, с другой — боролся с желанием со всей дури запустить этой пупыrkой в стену.

— Без лоха́ и жизнь — плоха́, — тут же выдал базу Рифмоплёт. И, абсолютно согласный с такой оценкой, я молча сложил всё обратно в коробку и отодвинул её на край стола. Разбираться с собственной глупостью на голодный желудок уж точно не входило в мои планы.

В этот момент домофон зазвонил снова. Вот теперь это было похоже на еду. По крайней мере, очень хотелось в это верить.

Получив всё-таки долгожданные люляки, я, отложив разборку с Проникателем на потом, оперативно с ними расправился. И, запив это всё чаем, продолжил работать.

Когда отправил наконец «отшлифованный до блеска» отчёт, я с чувством исполненного долга выключил компьютер, потянулся и только сейчас осознал, как я устал.

На вечерний моцион сил уже не оставалось, и после душа я зашёл на кухню забрать пролежавшую там весь день новую книгу. Собирая оставшиеся после ужина контейнеры, я уже собрался выкинуть заодно и коробку с пупырчатым пакетиком внутри, но моя природная любознательность, вместе с моим же неизлечимым авантюризмом, снова меня удержали. Я взял ножницы, аккуратно вскрыл пупырку и достал из неё пластиковый шестигранный стержень невзрачного серого цвета.

— Слишком тяжёлый для пластика, — первым делом подумал я, продолжая рассматривать стержень со всех сторон. Грани были немного исцарапаны, местами стёрты. Взял его в руки, словно шейкер и потряс.

— Ты ещё «на зуб» попробуй, — подключился к исследованию Рифмоплёт. Не поддаваясь на провокацию, я развернул инструкцию.

«Перед активацией прибора пройдите авторизацию: для этого...»

Я снял наклейку с одной из граней, скрывавшую два, чуть торчащих над поверхностью, прозрачных «блинчика», и приложил большой палец к одному из них. Немного «подумав», блинчик с лёгким жужжанием опустился заподлицо с корпусом и замерцал красным светом.

— Технологии — на грани фантастики, — я мысленно усмехнулся, но продолжил авторизовываться.

— Итак. Пора проверить «рабочее состояние» этого... прибора, чтоб его, — подумал я. Для финальной «Активации» оставалось лишь выполнить последнее простейшее действие...

Я взял в руки стержень, положил оба больших пальца на блинчики...

— Три... Два...

— Жаль, что я не додумался снять всё на видео. Был бы неплохой шанс получить если не первое, то уж призовое место на Премии Дарвина в категории «Тупейший Unboxing года» точно, — промелькнула запоздалая мысль.

— Раз... — выдохнул я и надавил.

«Блинчики» тихо щёлкнули и потухли...

— А как дышал! Как дышал-то... Эх! — Рифмоплёт, казалось, был явно расстроен результатом эксперимента.

— Отрицательный результат — тоже резу... — стержень, внезапно «вздрагнув», остановил меня на полуслове.

Лёгкая рябь пробежала по корпусу и, будто растворив в себе фальшивую пластиковую «шкуру», сделала его полупрозрачным кристаллом с идеально гладкими гранями. В центре, прямо между моими пальцами, пульсировал, словно живой, стусок яркого света, наполнявший кристалл волнообразным искрящимся свечением.

Вдруг кристалл завибрировал и, вспыхнув, засиял небесно-голубым цветом. В этот миг мир резко дёрнулся, словно перескочив «кадр». От неожиданности мои пальцы разжались, и кристалл грохнулся на пол. Я почувствовал дрожь в позвоночнике и сразу мгновенный приступ тошноты, оставивший после себя лишь горький привкус металла в пересохшем рту. Я поднял не подававший признаков «жизни» Проникатель. Ни вибрации, ни свечения внутри.

Теперь в моей ладони лежал явно потяжелевший прозрачный шестигранный стержень, напоминавший с виду идеально обработанный кристалл горного хрусталя, немного утолщённый в основании. Кнопки-блинчики исчезли, оставив после себя напоминание в виде двух неглубоких, источавших успокаивающий изумрудно-зелёный свет, округлых лунок. Я, конечно, был впечатлён этим световым шоу, с элементами дополненной реальности (надо отдать должное Продавцу, кем бы он ни был), но...

— Нажми на кнопку — получишь результат, и твоя мечта...

— Осуществится-а-а. Но это неточно, — немного изменив финал, я допел строку за впечатлённым не меньше меня Рифмоплётом, улыбнулся и, прихватив книгу, прошёл в спальню.

Прочитав главу, я отложил книгу и выключил свет. Читать расхотелось. Автор был хорош: оригинальный захватывающий сюжет, вызывающие эмпатию, «живые» герои. Но сейчас изумрудный, будто с интересом изучавший меня, «взгляд» мерцавших «глаз-лунок» лежащего рядом Проникателя не давал мне сосредоточиться. От «магического мира» меня отделяло лишь одно лишь нажатие.

«Для проникновения в смежный слот реальности нажмите и удерживайте до подтверждения кнопку «1». Для возврата используйте кнопку «2». Эти строчки инструкции никак не выходили у меня из головы.

Я взял Проникатель в руку. Палец удобно расположился в лунке, едва касаясь её шершавой поверхности. Я закрыл глаза и через секунду услышал собственный вздох, прорезавший тишину. И почти сразу Рифмоплёт надрывно, словно со сцены, озвучил наконец мысль, прочно застрявшую в моей голове:

— Нажать. Или не нажать. Вот в чём вопрос...

Я мысленно поаплодировал артистизму Рифмоплёта, в очередной раз остроумно, как ему казалось, исковеркавшего цитату классика. Вопрос и впрямь был непростой...

Нажать хотелось. И очень. Буквально сразу после эффектной трансформации пластиковой поделки, открывшей «прятавшийся» в ней Проникатель.

Не то чтобы я прямо верил в магические миры. За девятьсот пятьдесят рублей, включая доставку. Для фантазёра-авантюриста всё ещё жившего мне, это был даже не оксюморон. Просто дурацкий стёб. Но, с другой стороны, сияющий кристалл в руках и привкус металла, застывший во рту, на дешёвые спецэффекты списать было трудно.

Ну, нажму — и что? Если это игрушка, я просто окончательно признаю себя всё ещё не повзрослевшим дурачком, выключу свет и спокойно усну. Мотивация, конечно, так себе, но зато определённость. А вот если не игрушка...

С этого места мысли начинали двигаться осторожнее.

Инструкция бодро обещала не только вход, но и выход обратно. Всё просто. Почти как в лифте: нажал, сгонял в магический мир, вернулся и вуаля! Ставь звёзды продавцу.

— Ага. Особенно за пункт «гарантия возврата», — не сдержавшись, высказал свою озбоченность Рифмоплёт.

Я посмотрел на изумрудную лунку под пальцем. Одно лёгкое движение, и вся эта история либо закончится окончательно, либо начнётся по-настоящему.

Аргументов «за» было более чем достаточно: от детского «а вдруг?», до вполне взрослого «надо просто проверить». Впрочем, как и аргументов «против» — их тоже хватало. Но чем дольше я смотрел на мягкое сияние Проникателя, тем яснее понимал, что мой спор с самим собой — вовсе не про логику.

Я понял, что уже докопался до истинной причины своей нерешительности, но признаться в этом себе перед сном не было уже ни сил, ни желания. Проще было оставить всё как есть, до утра, когда нормальные люди обычно принимают нормальные, взвешенные решения, а не лежат в темноте с магическим артефактом в руке.

Я смотрел сквозь тяжелеющие веки на зажатый в руке Проникатель:

«Завтра, флуктуация метрики, нажмите и удерживайте», — мысли путались и расползались. Глаза закрылись. Сквозь окутанное тьмой меркнувшее сознание я уже не почувствовал, как рефлекторно дёрнулась моя рука, не ощутил приятного покалывания вжатого в лунку пальца, не увидел вспыхнувшего небесно-голубого сияния Проникателя. Я спал.

Я уже пару минут, наверное, лежал с открытыми глазами в постели, пытаюсь уловить привычные звуки моего московского утра: еле слышный глухой шорох Алтушки за окнами, шумные сборы соседей сверху, ленивое бурчание труб. Но тишина была абсолютной, нарушающейся лишь моим собственным дыханием.

Я лежал и готовился к утренней атаке Меломана. Мне было интересно: смогу ли я натренировать свою выдержку, чтобы не вздрогнуть или хотя бы не моргнуть, когда он внезапно врубит своё музло.

— Сегодня ни один мускул не дрогнет у меня. Сегодня я буду готов, Меломан... Я закрыл глаза и попытался полностью расслабиться.

— Кина сегодня не будет, кинщик приболел, — бесцеремонно прервав мою медитацию, заявил Рифмоплёт через минуту.

— Неужели Меломан проспал? Непохоже на него, — просочилась неуверенная мысль.

Я открыл глаза. И тут же первая, совсем крохотная капля тревоги проникла в мои вены. Что-то было не так. Я потянулся за телефоном и тут же замер, почувствовав, как пальцы скользнули по показавшейся чужой, непривычно гладкой шелковистой поверхности. Откинув тяжёлое одеяло, я резко сел и несколько секунд всматривался в окружавшую меня темноту, пока наконец вторая тревожная капля не скользнула по нервам. Темнота в комнате была не полной, не моей. Чужой. Смутная догадка заставила меня обернуться к окну.

Шторы... Они местами просвечивали!

Этого просто не могло быть — мой блэкаут в спальне был безупречным. Я был уверен в этом на тысячу процентов!

Сдерживая нарастающую капля за каплей тревогу, я встал и, уже не обращая внимания на незнакомую упругость ковра под ногами, развернулся к окну. Вытянув перед собой руки, отсчитал три шага. Пальцы задвигались, хватая пустоту вместо привычных портьер. Я вдруг представил, как эта картина выглядит со стороны: человек, замерший с вытянутыми руками, посреди погружённой во мрак комнаты.

— Откройте мне веки, — Рифмоплёт своим хриплым басом тут же попытался оживить цитатой классика эту немую нелепую сцену. Вместо нервной усмешки, начала подниматься волна страха.

Не опуская рук, я сделал ещё шаг, потом другой, и лишь на третий пальцы коснулись плотной, приятной на ощупь ткани. Я крепко сжал портьеры руками. Исследовательский пыл вместе с моей решительностью куда-то улетучились, оставив один на один с затаившимся глубоко внутри страхом. Я резко отдёрнул портьеры в разные стороны.

Яркий свет ворвался в комнату, заставив зажмуриться. Когда слепота прошла, я понял, что стою перед высоким, в потолок, витражом во всю стену. За стеклом, вместо знакомого московского пейзажа, прямо на меня смотрел двухэтажный каменный дом с красивыми резными ставнями. Несколько секунд я стоял не двигаясь. В окне напротив дёрнулись занавески, и на секунду возникло лицо длинноволосой девушки. Дом был слишком настоящим и слишком живым, чтобы просто списать его на красивый сон. Проблема была только в том, что за моим окном никакого дома не было. Сделав глубокий вдох, я решительно распахнул дверь настежь и вышел на просторный балкон. Неторопливо осмотревшись вокруг, подошёл к витиеватой чугунной балюстраде.

Судя по окнам дома на другой стороне улицы, я был на втором этаже. Отсюда открывался великолепный вид на красивый, ухоженный город, утопавший в зелени. Прямые улицы, купола церквей, кареты, люди в необычных одеждах. Ни привычных многоэтажек, ни даже просто обычных звуков суетливой шумной городской жизни. Лишь скрип колёс, ржание лошадей да голоса прохожих. Переливчатый звон колоколов, доносившийся с разных сторон, органично дополнял эту идиллическую картину.

Я вдохнул полной грудью свежий воздух, пахнувший всем сразу: речной свежестью, конским потом, дымом, свежескошенной травой, цветущей сиренью. Эти знакомые с детства запахи вдруг всколыхнули давние воспоминания, и я на мгновение словно оказался у бабули в деревне под Нижним, куда меня каждый год отправляли на всё лето.

Я стоял и, всё ещё не понимая, как мне реагировать, растерянно смотрел на раскинувшийся передо мной чересчур правдоподобный на вид незнакомый город, как вдруг моё внимание привлекли раздавшиеся внизу громкие голоса.

Я, взявшись за поручень, подался вперёд и, опустив взгляд, увидел двух оживлённо беседовавших девушек, стоявших у магазина через дорогу. Одеты они были как настоящие барышни из исторических фильмов. Шёлковые платья с кружевами и пышными юбками, шляпки, зонтики в руках. Вдруг одна из девушек, будто что-то почувствовав, посмотрела вверх. Поймав её настороженный взгляд, я невольно, словно меня застали за чем-то нехорошим, отклонился назад и отвернулся.

Раздался возглас удивления, и сразу за ним — громкий заразительный смех. Я снова посмотрел вниз и увидел, как обе девушки, сотрясаясь от смеха, показывают в мою сторону зонтиками подошедшей к ним подруге. Увидев мой недоумевающий взгляд, они, теперь уже втроём, продолжили смеяться с новой силой. Решив избавиться от этого непрекращающегося смеха, уже начинавшего меня раздражать, я вернулся в комнату и плюхнулся на кровать. Тут же вскочил, закрыл дверь и задёрнул шторы. Снова упал на кровать. Смех на улице наконец затих, оставив меня наедине с собиравшейся по капле рекой тревожных мыслей.

Вопросы роились в голове, я лежал, раскинув руки на огромной кровати, и сквозь просвет в портьерах отстранённо смотрел на улицу...

— Где я? Как такое может быть? Куда делась Москва? Где мой телефон? Что нужно сделать? Кто все эти люди? Почему они так странно выглядят? И вообще, что всё это значит?

Вопросы нескончаемым потоком продолжали вспыхивать в голове, пока мой мозг, словно компьютер, подвергшийся мощнейшей DDoS-атаке, от невыносимой нагрузки не вспыхнул пронзительной болью и завис. Ни мыслей, ни чувств, ни ощущений. Я лежал и просто тупо смотрел на окна дома напротив. Боль потихоньку уходила, забирая с собой остатки разрушенных неразрешимой задачей нейронов.

Немного восстановившись, мозг с новыми силами, не спеша, по кусочкам начал собирать для меня реальность. На запах, состоявший из странной смеси угля, лёгкой гари и конского навоза, наложились звуки улицы, возник образ смеющихся девушек. И тут я наконец уловил слабый сигнал неудобства, который уже давно посылала моя рука, лежавшая поверх одеяла.

Резкий выброс адреналина от мелькнувшей догадки заставил меня вскочить с кровати. Срывая с постели огромное стёганое одеяло, я уже знал, что там увижу. Тяжело дыша, с трясущимися руками я стоял и, как загипнотизированный, не мигая смотрел на него. Память, словно разбуженная этим видом, вдруг открыла глаза, и хлынувшие из них разрозненные события вчерашнего дня сложились в чёткую картину.

Я взял Проникатель в руки. Глядя на игру света, преломлявшегося на его гранях, я понял, что теперь знаю, как можно всё объяснить. Но вместо облегчения это знание принесло мне лишь тягостное ощущение, не предвещавшее ничего хорошего.

Глава 4. Удар на 100 рублей

Я, с зажатым в руке кристаллом, стоял в полумраке едва освещённой комнаты и чувствовал, как мысль, ещё минуту назад казавшаяся спасительной, медленно отступает на второй план.

Объяснение не отменяло главного: я до сих пор не представлял, где нахожусь, и каждая следующая догадка лишь ещё больше накаляла ситуацию.

Мне не хватало фактов. Не гипотез, приводящих лишь к новым виткам бесплодных рассуждений, а фактов.

— Надо двигаться, Антонио. Движение — жизнь! — бодро заявил Рифмоплёт.

— И не поспоришь. И впрямь застоялся на месте, — подумал я и бросил бесполезный кристалл на постель.

Подошёл к витражу и до упора раздвинул шторы. Хлынувший в комнату свет успокоил меня, убрав мрачный налёт таинственности, окружавшей меня обстановки.

— Сначала надо спокойно разобраться со вчерашним вечером, — подумал я, усаживаясь в стоявшее рядом с выходом на балкон глубокое кожаное кресло.

Итак, факты...

Я помню, как вчера, немного уставший к концу тяжёлого дня, в прекраснейшем настроении лежу в постели и, попивая «Torres», задумчиво перебираю мерцающий кристалл в руке. Помню даже аргументы, которые в споре с самим собой я приводил то за, то против поспешного эксперимента с Проникателем.

Помню палец на вогнутой поверхности, обозначенной в инструкции «кнопкой», который я каждый раз убирал, так и не решившись нажать. Помню, как, уже повернувшись набок, я боролся с накатывающим волнами сном, с трудом открывая потяжелевшие веки. Помню заторможенный усталый взгляд, направленный на зажатый в руке Проникатель, и... темнота. Темнота наступившего утра.

Значит, я так и не решился на проверку вчера и заснул...

Я приблизил Проникатель к глазам, пытаюсь найти хоть малейшую зацепку. Осторожно, будто сапёр, пытающийся обезвредить потными, вибрирующими от напряжения пальцами наполненное смертью незнакомое устройство, прикоснулся к шероховатой вогнутой поверхности и застыл. Терять, казалось, было уже нечего.

— Действуй, злодействуй! — загадочно-решительным голосом скомандовал Рифмоплёт. И я, затаив дыхание, зачем-то зажмурился и импульсивно нажал кнопку.

Ослепительный взрыв разорвал вселенную на мириады осколков. Сверкавшие разноцветными огнями галактики, словно захваченные гигантским водоворотом времени, закручивались в спираль вечности, образуя уходящий в бездну туннель, сквозь который я, сжимая в вытянутой вперёд руке Проникатель, на невообразимой скорости летел навстречу неизвестности.

— Фантазёр, ты меня называ-лаа, — наконец остановил поток моего расшалившегося сознания Рифмоплёт. Я открыл глаза. Ничего не изменилось. Вселенная не соизволила даже чихом отреагировать на моё действие.

Проникатель не сработал. Такая стройная, изящная гипотеза, словно лобовое стекло, не выдержавшее удар судьбы, рассыпалась на красивые, но уже бесполезные осколки. Обматерив безучастный кристалл, а заодно и себя, я вскочил и нервно бросил Проникатель на кресло. Разочарование, вспыхнув на миг, тут же погасло, не найдя за что зацепиться.

Мой помрачневший взгляд снова остановился на уже примелькавшемся мне доме напротив, который своими окнами-глазницами, казалось, с издёвкой смотрел на меня.

— Шизгарес, е, бэйби, шиз, гарес... — как-то медленно и печально, скорее прочитал, чем спел Рифмоплёт.

— Шиза? Так-то похоже, конечно, — перевёл я на человеческий его прозрачный намёк и усмехнулся: с шизой можно было бы не париться, не мучить себя попытками впихнуть всю эту фантазмагорию, окружавшую меня, в мою привычную реальность. Можно было бы просто наслаждаться жизнью и спокойно ждать приезда санитаров.

Я задумался: сейчас, пока санитарам и не пахло, пора было уже просто остановиться и выдохнуть. Завязать до лучших времён с этими мозговыми штурмами и хотя бы немного расчистить моё воспалённое сознание от накопившихся завалов.

Эта мысль показалась мне разумной, и я, как ящерица, избавляясь от отслуживших своё участков кожи, с облегчением выбросил из головы все свои бредовые идеи: про олигархов-реконструкторов, выбравших меня жертвой; про внезапно разбогатевших друзей, решивших меня разыграть и которых, к тому же, у меня не было; о выкравших меня инопланетянах...

— Надо двигаться, Антонио. Движение — жизнь! — как ни в чём не бывало, бодро заявил Рифмоплёт.

— И ведь опять не поспоришь. Я и впрямь застрял на одном месте, — согласился я. — За окном шумит целый незнакомый город, а я до сих пор даже не осмотрел комнату, в которой проснулся.

Это было уже похоже на план. Время «мять булки» прошло. Пришла пора действовать. Обрастать фактами.

Облегчённо вздохнув, я расправил плечи и наконец спокойно огляделся вокруг.

Спальня оказалась огромным залом. Четырёхметровые потолки со встроенными мощными дубовыми кессонами. Хрустальная люстра с гигантскими гроздьями тяжёлых кристаллов в позолоченных держателях величественно повисла в центре.

Я вдруг ощутил себя Гулливером в стране великанов: здесь всё было огромным, гораздо больше и крупнее, как мне представлялось, обычных размеров: кровать с резным изголовьем, балдахин под потолок, дубовые панели в человеческий рост, картины во всю стену. Кожаное кресло по размерам больше напоминало трон, мягкую версию царского трона, а шелковистый ковёр с золотыми вставками тянулся до самого витража.

Отсутствие телефона на дубовых прикроватных тумбочках с вазами-светильниками из оникса я отметил машинально, просто зафиксировав как ещё один факт в моей виртуальной записной книжке. Я обошёл свою воистину необъятную кровать, которой позавидовал бы любой президентский люкс, и подошёл к массивной дубовой двери.

Вопреки ожиданиям, эта трёхметровая тяжеленная дверь открылась удивительно легко, без единого скрипа, и, шагнув через порог, я очутился в гостиной. Хотя, судя по размерам, вернее было бы назвать это залом приёма официальных делегаций.

Зал был выдержан в том же стиле тяжёлого музейного люкса. Люстры, ковры, позолота, мебель из красного дерева.

«Царские покои», — продолжая восхищённо озираясь вокруг, я смог наконец подобрать подходящее название всему этому великолепию. Открыв дальнюю дверь зала, я попал в прихожую. Три двери, высокий зеркальный шкаф, хрустальная люстра. Всё тот же пафос вокруг.

— Швободаа! — вдруг заорал мультяшным голосом Рифмоплёт. Только теперь я обратил внимание на бликующую в ярких огнях люстры табличку рядом с дверью. Скорее угадав, чем увидев слово «ВЫХОД», я рванул к двери и, уже взявшись за ручку, замер в нерешительности.

— Свобода!!! Или ловушка??? — один шаг отделял меня от истины.

Я, словно космонавт перед первым выходом в открытый космос, настороженно всматривался в закрытую дверь, настраиваясь на этот первый, самый трудный шаг.

Рефлекторно, желая перед выходом убедиться, что мой «скафандр» сидит нормально, я повернулся и посмотрел в зеркало рядом с дверью...

На меня неуверенным затравленным взглядом смотрел посеревший, осунувшийся Антон Орлов. Жалкий «самозванец», пытавшийся, поджав хвост, скоростно покинуть свои царские покои.

— А король-то голый! — взорвав тишину, вдруг в голос заржал Рифмоплёт. И тут я увидел, как обхватившего руками голову, абсолютно голого «короля» начинают сотрясать спазмы гомерического смеха...

Уже протирая мокрые от слёз глаза, я вспомнил лица девушек внизу, их задорный, показавшийся мне тогда обидным, смех и снова, не сдержавшись, прыснул со смеху. Переведа наконец дух, я понял, что моя привычка спать голышом не только сыграла со мной безобидную в целом шутку, изрядно рассмешив при этом незнакомых девиц, но и добавила ко всем моим нерешённым проблемам ещё одну.

Организм, получив в результате приступа неожиданного буйного веселья мощный гормональный коктейль, быстро восстанавливался. Постепенно мышцы расслабились, дыхание выравнивалось, проблемы отошли на второй план. Теперь я видел перед собой спокойного, полного решимости, уверенного в себе человека. Я знал, что делать, и уже не страшился этого...

За ближайшей ко мне дверью располагался роскошный, впрочем, как и всё остальное, кабинет. После беглого осмотра я подошёл к последней двери и потянул за ручку.

— Аллилуйя, — я наконец облегчённо выдохнул.

Это было то, что нужно. Я подошёл к красивому пьедесталу из чёрного, с золотыми прожилками, камня. Сняв с себя груз, я с удовлетворением потянул висевшую на позолоченной массивной цепи дубовую ручку и под звуки энергично хлынувшего потока воды осмотрел комнату.

Раковина, круглая ванна на подиуме, стены. Здесь всё, за исключением люстры и зеркала, было сделано из полированного мрамора, игравшего на свету мягким, шелковистым блеском. Вместе с бликами от чуть подрагивающей шароподобной хрустальной люстры пространство, казалось, жило своей сказочной жизнью. Я зачарованно смотрел на эту красоту, пока Рифмоплёт своей аллегорией про нечистых трубочистов не выдернул в меня в реальность.

Я подошёл к раковине и отвернул краны.

— Холодная. Горячая. Всё работает. Версия с музеем отпадает, — удовлетворённо подумал я, намыливая руки.

— Ещё бы для полноты счастья пасту с зубной щёткой найти, — промелькнула ещё десять минут назад невозможная мысль, и я улыбнулся. Жизнь потихоньку налаживалась.

Я приоткрыл дверцу шкафа размером с небольшую гардеробную: набор аккуратно сложенных полотенец; источавшие запах дорогой свежести изящные хрустальные баночки на полках; и главное — горделиво свисавший с вешалки красивый шёлковый халат. Накинув его, я прошёл к выходу. Глянув на себя в зеркало, медленно приоткрыл дверь и осторожно высунул голову наружу.

Уходящий в даль коридор с дверями по обе стороны, приглушённый свет, ковровая дорожка, дубовые панели, картины на стенах. Пафосная роскошь моего пристанища плавно перетекала в коридор, сохранив общую атмосферу театральности.

В полной тишине, не обнаружив признаков опасности, я вышел и аккуратно притворил за собой дверь. На висевшей по центру полированной табличке была выгравирована цифра 14.

— Гостиница! Не музей, а гостиница, — по крайней мере пока это объяснение работало.

Я не спеша двинулся вдоль длинного коридора:

— «13, 12, 11», — цифры на дверях уменьшались, как и охватившая меня поначалу радость.

— «10, 9, 8», — тот факт, что я оказался в гостинице, точнее, в гостинице-музее, сам по себе принципиально ничего не менял. Я знал о существовании таких исторических гостиниц. Но о существовании целых «исторических» городов с живыми актёрами-жителями и мельчайшей детализацией атмосферы прошлого у меня информации не было.

— «5, 4, 3», — в голове вдруг возникла бизнес-концепция некоего Диснейленда для взрослых. Со звучным названием типа «Москва. 20 лет до революции». Или, лучше, «Москва Ивана Грозного».

— Ну, Диснейленд так Диснейленд, — не включая критику, немного безразлично подумал я. На ближайшее время такая версия меня вполне устраивала.

— «2, 1» — номера, как и дурацкие бизнес-идеи, закончились. Я открыл дверь в самом конце коридора, и глаза тут же прищурились от ослепительного света люстры, вернувшего меня в реальность.

Я шагнул в ярко освещённое пространство зала, повторяющего до мелочей мою прихожую. Отличия были лишь в табличках-указателях на стенах: «Парадный зал», «Ресторанъ», «Гардеробъ». Ещё «Трактирь» и «Бильярдъ» указывали на уходящую вниз лестницу. При слове «ресторан» голод раненым зверем набросился на меня, и в животе отчаянно заурчало.

Я опустил взгляд на свои сиротливо торчавшие из-под шёлкового халата босые ноги. Как бы мне ни хотелось есть, но идти в таком виде в ресторан, да хотя бы и в трактир этажом ниже, не представлялось возможным.

Оторвав взгляд от своих утопавших в мягком ковре голых ступней, я невольно посмотрел на табличку на двери, ведущей в ресторан.

— Видит око, да зуб неймёт. Тяжёлый случай, Антонио, — посочувствовал мне Рифмоплёт.

— И откуда ты только выковыриваешь эти свои пословицы, — беззлобно огрызнулся я и, не дожидаясь, пока меня застукают в таком наряде, внимательно осматриваясь по сторонам притихшего коридора, двинулся к своему номеру.

Открыв свою дверь, я быстро прошёл в спальню и плюхнулся в кресло. План, возникший у двери в ресторан и обросший деталями в коридоре, окончательно сформировался.

— Но есть нюансы, — прорезался голос Рифмоплёта.

— Да уж как без нюансов-то, — усмехнулся я, поворачиваясь к окну. План, казалось, был простой, но достаточно эффективный:

— найти подходящую одежду;

— спуститься вниз, найти в бильярдном зале подходящую жертву;

— выиграть немного денег;

— зайти в трактир, наконец поесть.

— Всё! При этом и «волки сыты, и овцы (ну почти) целы», — подумал я, наблюдая за картиной не спеша плывущих по небу пышных облаков молочного цвета. Живот издал протяжный, урчащий, больше похожий на стон звук. Я вскочил и, заложив руки за спину, начал нервно нарезать круги по комнате. Одежный вопрос был явно не проработан:

— Одно дело — сбежать домой, завернувшись в простыню или прикрывшись подушкой на крайняк. Но играть в бильярд в образе римского патриция? Так и до санитаров недалеко. Да и играть неудобно, к тому же...

— Гоп-стоп, мы подошли из-за угла, — подключился к задаче Рифмоплёт.

— Ага, — раздражённо подхватил я. — Сейчас спущусь, как обезьяна в халате, с балкона, спрячусь потихоньку в переулке, высматривая подходящую мне по размеру жертву. И, выждав момент, неожиданно выскочу перед ошарашенным горожанином, угрожающе вращая выпученными глазами, и голосом Шварца спокойно, но крайне убедительно скажу: «Мне нужна твоя одежда, бро». И всё! Бро наделает в штаны со страху, скинет свою немного некондици-

онную одежду наземь и испарится. А я пулей вернусь в номер с добычей, застираю это всё в своей роскошной ванной и, предварительно просушив на балконе, вывешу её в коридоре...

— Коридор, точно! — озарив мрак безысходности, вспыхнула вдруг спасительная мысль. Я вспомнил, как в своём путешествии туда-обратно по коридору я видел стоявшие вдоль стен вешала с одеждой, но не обратил тогда на них внимания.

Я снова вышел в коридор. У некоторых номеров действительно стояли вешалки с одеждой. Около одной из дверей моё внимание привлёк элегантный сюртук и пара начищенных до блеска кожаных туфель. Прикинул на глаз — вроде должно было подойти. Прислушался — из-за двери не доносилось ни звука.

Я, прихватив висевшие рядом брюки и рубашку с жилеткой, схватил всё в охапку, собираясь вернуться в номер, как вдруг всё одновременно изменилось.

Сначала Рифмоплёт со своим назидательным: «Тебя посодют, а ты не воруй!», затем образ мамы, укоризненно грозящей мне пальцем...

Даже лайтовый «гоп-стоп» для меня, ни разу не бравшего чужого в руки, оказался серьёзным испытанием.

«Это воровство!!! Могут быть серьёзные проблемы!» — кричала моя законопослушность, поддерживаемая осторожностью. Ей настойчиво сопротивлялся уже вкусивший азарт предстоящей битвы авантюризм, сдобренный беспечностью и жадой приключений.

Исход поединка решил пронзивший тишину утробный звук «боевого горна». И, не дожидаясь, пока желудок закончит свою «Песнь гнева и голода», я вернулся в номер.

И вот я уже в третий раз за день снова стоял в прихожей, изумлённо рассматривая в зеркале настоящего щёголя.

Сюртук из плотного сукна цвета перспелой вишни сидел на мне вызывающе хорошо. Под ним — белоснежная рубашка из тончайшей ткани. Атласная жилетка слоновой кости придавала строгости. Зауженные брюки яркого горчичного цвета плотно облегали ноги. Туфли из мягкой кожи, завершая образ, поблескивали искорками на позолоченных застёжках.

Вещи были явно дорогие, и, что меня даже немного смущало, казалось, идеально мне шли.

Закончив осмотр самодовольной улыбкой, я вышел в коридор.

— Это ненадолго. Сейчас поиграю немного, выиграю деньги, поем и сразу верну всё на место. Никто даже не хватится, — продолжал оправдываться я перед своей наёжившейся совестью, когда спускался по лестнице.

Хор оправданий внезапно стих. Я стоял перед большим красочным плакатом, висевшим на стене. На нём был изображён молодой человек, склонившийся с кием в руках над бильярдным столом за мгновение до удара, а яркая надпись гласила:

«ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ЗАБЕРИ СВОЙ ПРИЗ! РАЗБЕЙ ПИРАМИДУ, ЗАБИВ ТРИ ШАРА С ОДНОГО УДАРА, И ПОЛУЧИ СТО РУБЛЕЙ!!!».

Я улыбнулся, ведь теперь у меня был не просто план, а чёткая цель. Я спустился вниз, нашёл дверь с табличкой «БИЛЬЯРДНЫЙ ЗАЛ» и вошёл внутрь.

Бильярдная практически повторяла интерьеры второго этажа, но только с поправкой «чуть». Чуть пониже потолки, чуть поменьше хрусталя на люстрах. Потоньше ковры, поменьше окна. Одна лишь позолота, исчезнув совсем, сменилась медью.

Подойдя к ближайшему свободному столу, я положил на него ладонь. Почувствовав бархатистый ворс дорогого сукна, моя рука медленно поплыла по невидимой поверхности, едва касаясь ткани. Осмотр меня вполне удовлетворил. На столах тут явно не экономили. Сукно было гладкое, как стекло, без пузырей и мешков, направление ворса было правильным, как я привык. Ровный, достаточно яркий, но не слепящий свет от красивых светильников из тонких полупрозрачных листов оникса равномерно заливал всю поверхность стола.

В зале утренняя пустота, лишь у двух столов парочки лениво обменивались ударами, да ещё на диванах, расставленных вдоль окон, оживлённо беседовала пара компаний. Маркёра нигде не было, и я решился подойти к молодому человеку, сидящему в одиночестве за чашкой кофе недалеко от меня.

— Прошу прощения. Не подскажете, как поучаствовать в акции? — услышал я свой вежливый, слегка задрожавший от волнения голос. Молодой человек слегка настороженно-удивлённо, но вполне дружелюбно улыбнулся:

— Конечно! Я позову маркёра, — он, сделав глоток, степенно поставил чашку на стол, встал и, учтиво поклонившись, удалился.

Я стоял и тоскливо смотрел на ещё дымившуюся кофейную чашку. Чашки крепкого горячего кофе этим сумасшедшим то ли утром, то ли уже днём мне катастрофически не хватало.

Вскоре отзывчивый незнакомец вернулся с маркёром. Тот, вежливо поздоровавшись, официально объявил мне условия неожиданно громким, немного театральным голосом, чем привлёк к нам всеобщее внимание. После слов про сто рублей зал заметно оживился. Люди начали подтягиваться поближе, и вскоре вокруг моего стола образовался полукруг зрителей.

Маркёр неспешно, чёткими выверенными движениями выставил пирамиду и вручил мне кий. Я машинально выполнил ритуал проверки, восхитившись его качеством. Баланс и вес были идеальными для меня. Можно было бить.

Я занял исходную позицию и посмотрел на выставленную пирамиду. Намётанным взглядом сразу заметил небрежность маркёра и, обойдя стол сбоку, быстрым уверенным движением выставил чуть сдвинувшийся шар в правильное положение.

Под аккомпанемент одобрительного гула зрителей я вернулся на место и приготовился. Этот удар я знал досконально. Три шара я забивал даже с завязанными (да, у меня бывали и такие тренировки) глазами. Я прицелился, отвёл руку для удара и прикрыл веки.

— Так неинтересно. Немного усложним задачу, — подумал я и, резко оторвавшись от стола, быстрым отточенным движением переставил биток на видимую мне одну точку рядом с бортом. Прицел. Размах. Остановка дыхания. Взгляд-вопрос на маркёра. Удар...

Я, отвернувшись от стола, смотрел, отмечая про себя глухие удары падающих в лузы шаров, на изумлённые лица людей. На четвёртом ударе напряжение вмиг спало, и широкая улыбка удовлетворения расплзлась по моему довольному лицу.

— А вот ты и запалился, Антоша, — недовольно произнёс Рифмоплёт.

— Да ничего такого страшного и не случилось, — огрызнулся я, но самодовольную улыбочку пришлось стереть.

Ко мне подошёл маркёр. После официального поздравления, почтительно наклонившись, он торжественно вручил мне, раскрыв веером, четыре немного помятых банкноты.

Я уже собрался было покинуть поле этой славной битвы, как лёгкое покашливание за спиной заставило меня обернуться.

Передо мной стоял пригласивший для меня маркёра молодой человек.

— Позвольте представиться. Шнайдер Степан Валерьевич. Можно просто Степан.

Я пожал протянутую мне руку.

— Антон. Антон Орлов.

Степан расплылся в улыбке.

— Как же вы, голубчик, четыре шара с одного удара-то занесли? Такого в наших краях отродясь не бывало, — Степан и не пытался скрыть своего восхищения.

Закончив фразу, он, как мне показалось, даже слегка поклонился. Степан, как и маркёр, разговаривал необычно: плавно и мелодично растягивая, словно напевая слова. Особенно мне понравилось его прикольное оканье, напоминавшее говор моих деревенских друзей по летним каникулам.

— Полно вам, сударь, — пытаюсь изобразить устаревшую речь и немного подражая Степану, ответил я. И добавил:

— Случайность, чистой воды случайность. Мне просто повезло.

— Ну, раз вы такой удачник сегодня, не сыграть ли нам партию на интерес, Антон? Рубликов на сто, скажем? — Степан испытывающим взглядом смотрел на меня, не мигая.

— Хочу мороженое, хочу пирожное, — напоминая о хотя и приглушённом адреналином, но никуда не девшемся голоде, закапризничал Рифмоплёт.

— Ок. Быстро разделаюсь со Степаном, заберу плывущие мне в руки деньги и сразу в трактир.

Я, разрешив возникшую дилемму, натянул на свою немного погрузневшую физиономию маску безмятежности и беспечным голосом спросил:

— А не покажете ли вы мне свой кий, друг мой?

И Степан, воодушевлённый моим согласием, увлёк нас, по-дружески придерживая меня под локоть, увлёк нас свободному столу в другом конце зала.

Пока, улыбаясь мне как старому знакомому, маркёр готовил для нас стол, я потестил кий Степана. Даже успел немного пристреляться на соседнем столе. Кий был не лучше и не хуже, практически копией того, с которым я уже имел дело. Отличие было лишь в рукояти, вокруг которой, словно искусно набитая татуировка, изящной змейкой закручивались спиралью золотые буквы монограммы.

— Подарок князя, — понизив голос, сообщил подошедший Степан.

— Князя — так князя. Хорошо, не царя, — я мысленно ухмыльнулся и, возвращая кий, спросил:

— Изволите разбить, сударь?

Степан, утвердительно качнув головой, наклонился к столу. Игра началась. Разбой вышел немного смазанным, и шары медленно рассыпались по столу.

— Ваш удар, Антон, прошу, — передавая кий, сказал Степан. Я не спеша обошёл вокруг стола, оценивая ситуацию:

— А, кстати, как играем, Степан? Американку? Русскую?

Мой безобидный вопрос, будто пропущенный исподтишка удар, привёл Степана, казалось, в полное замешательство.

Он неестественно засмеялся. Закашлялся. Подошёл к столику, выпил воды и лишь потом, развернувшись ко мне, вкрадчиво, как мне показалось, спросил:

— А вы сами, господин Орлов, как предпочитаете?

— Ну, русскую так русскую, — будто не заметив ничего странного, ответил я и одним точным ударом отправил двух «свояков» по домам.

Я, быстро войдя в азарт и получая при этом истинное удовольствие, увлёкся игрой настолько, что перестал считать очки на падавших в лузы шарах и остановился лишь от громкого возгласа Степана:

— Верняк, господин Орлов!!!

Я оторвался от стола и, посмотрев на стойку, насчитал 68 очков.

Для выигрыша мне оставалось забить всего один, причём любой из оставшихся шаров. Я оценил расклад. Верняк, или «мёртвый», по моей терминологии, шар стоял в одиночестве у средней лузы. Именно к нему и был прикован застывший взгляд Степана. Забивать такие подарки для меня уже давно было табу, и я ещё раз внимательно осмотрел стол. Наконец я нашёл достойный для победного удара шар, занимавший, казалось, совершенно непробиваемую позицию. Он стоял у дальней лузы, практически полностью прикрытый «охранником».

Единственный, почти призрачный шанс на победу давал мне мой самый любимый и одновременно самый сложный удар.

— Кто не рискует, тот остаётся голодным, — подначил меня давно притихший Рифмоплёт.

Я принял решение:

— Сухой лист, господа, — мой звенящий голос сорвал аплодисменты, нарушившие тишину полупустого зала. Уже давно все присутствующие, включая маркёра, внимательно следили за нашим поединком.

Я наклонился, «просчитал» траекторию и резким, почти вертикальным ударом отправил по большой дуге бешено вращающийся биток. Биток почти беззвучно коснулся моего шара и, казалось, замер на месте. А дальше... Дальше была уже чистая магия. Мой неподвижный шар, будто подхваченный невидимым течением, медленно вращаясь, «поплыл» к лузе и, на мгновение задержавшись на её краю, бесшумно, как сорвавшийся с ветки осенний лист, скользнул в её лоно.

Я уже второй раз за день принимал поздравления от незнакомых, хоть и странно одетых, но, казалось, вполне приятных людей. Этот чужой мир уже не только не пугал, но и даже умел доставлять вполне себе земные радости. И это начинало мне нравиться.

— Извольте, сударь. Ваш выигрыш. Сто рубликов, как и договаривались, — Степан, улыбаясь, вручил мне деньги.

— Сегодня мой день, Степан. Честно говоря, мне давно уже так не везло, — попытался я разрядить обстановку.

— Вы преподали мне восхитительный урок, Антон. Такого ни за какие деньги не купишь. И, если не секрет, где вы обучились так превосходно играть? — ничуть не выглядевший огорчённым Степан пристально смотрел на меня.

— В Москве, где ж ещё? — не подумав, машинально ответил я.

Степан, словно получив нужный ему ответ, облегчённо вздохнул и без остановки, уже более официальным тоном, продолжил:

— Господин Орлов. Не окажете ли мне честь отобедать со мной?

Я мысленно улыбнулся. Наши интересы идеально совпадали:

— Конечно, сударь. С удовольствием принимаю ваше предложение.

— Просто превосходно, — Степан был явно доволен. — Буду ждать вас в местном ресторанчике на втором этаже. Скажем, через полчаса. Вам будет удобно, Антон?

— Решено, — я улыбнулся, и, обменявшись крепким рукопожатием, мы разошлись. Проходя мимо ресепшен, я прихватил с собой выложенную на стойку газету и поднялся в номер.

Запах типографской краски, неприятная сухость на кончиках пальцев разбудили во мне давно забытые ощущения детства. Я увидел читающего свои первые слова мальчика, сидевшего на тёплых маминых коленях и увлечённо водившего пальцами по газетным строкам.

— Мама. Она наверняка вся испереживалась уже, — обречённо вспомнил я, усаживаясь в кресло.

Я развернул газету. На последней странице, под заголовком «Прощальный концерт Орфея русской сцены», была фотография любимого маминого оперного певца Собинова. В лёгком замешательстве я прочитал заметку. 30 июля в Городском театре состоится концерт великого тенора Л. Собинова.

— Он же давно...

Чуть не порвав, я резко развернул газету на первую полосу.

Так. Ярославские губернские ведомости... Глаза сами нашли дату.

25 июля. Так и не прочитав год, я вздрогнул, и в этот момент мозг будто сломался: цифры в глазах поплыли, завибрировали и начали вращаться. Всё быстрее и быстрее, пока не превратились в четыре бильярдных шара...

Шары продолжали вращаться, не давая разглядеть их номера. Я вдруг понял, что уже видел эту картинку сегодня. Четыре забитых мной шара, выставленных на стойке. Маркёр, вручая приз, наклонился, и в этот момент я их и щёлкнул.

Я прикрыл глаза, вспоминая эту сцену, и мой взгляд начал медленно перемещаться по возникшей в памяти фотографии.

— Так. Первым я забил «Туза». Потом было «Восемь» — мой ДР. Следующей стояла «Девятка», и, наконец, моя Счастливая «Семёрка» — последней...

Услышав шелест выпавшей из рук газеты, я открыл глаза.

Глава 5. Рыжая незнакомка

«25 июля 1897 года. Ярославль» — это был приговор. Суровый, бесстрастный, но наконец реальный. Все эти часы, отбросив насмешки рассудка, подсознание «по кирпичику» собирало, пусть и не идеальную, но по-своему логичную картину мира. И центральным элементом этой картины был Проникатель.

Не просто так я вертел его перед сном. Я так и не поверил до конца в возможность, что он сработает, и, видимо, позволил себе легкомысленную попытку, надеясь в крайнем случае отделаться лёгким испугом. И теперь имеем вот это вот все.

Я взял в руку Проникатель и, сжимая его прохладные грани, почувствовал, как моё, сковавшее разум мрачное ледяное спокойствие, дало первую трещину. Осторожная, слабая, но уже настоящая — надежда вернулась.

— Не надо печалиться — вся жизнь впереди... — очнулся Рифмоплёт.

— Надейся и жди... Да хоть заждись, — мрачно ухмыльнулся я. Уже давно было пора не ждать, а действовать.

— И действовать с умом, а не как обычно, — скосив взгляд на Проникатель, отбросив эмоции, уже спокойно подумал я.

До обеда со Степаном ещё оставалось немного времени, и я, отложив Проникатель, снова взялся за чтение. Взгляд упал на портрет в центре первой полосы. «Его Сиятельство Князь Берест», как гласил заголовок. Властное лицо, холодный взгляд, мундир, усыпанный орденами.

Необычный металлический шлем на его голове сразу привлёк моё внимание. Его странная форма и вытянутые пластины, напоминающие антенны, по бокам. До кучи светящийся шар в навершии. Все это делало его больше похожим на чуждое этому миру устройство, чем на старинный доспех.

Ради интереса я пробежал глазами по указу князя о «Запрете посещения правого берега реки Которосль и леса за Ярославской Большой мануфактурой». Ниже — интервью с начальником полиции города Виктором Борцовым о «раскрытии сети заговорщиков».

Информации становилось больше, но ясности это не прибавляло.

Я отложил газету, поднялся и, поправив перед зеркалом сюртук, вышел из номера. Пришло время обедать...

Степан уже ждал меня. В центре стола «слезился» запотевший пузатый хрустальный графин, соседствующий со стеклянной банкой аппетитных огурчиков, переложенных смородиновым листом. Я, кажется, был готов съесть уже хоть смородиновые листья. Выросший из-под земли официант услужливо придвинул кресло, и я уселся, стараясь лишний раз не смотреть на огурчики голодным взглядом.

Усадив меня, официант, не задавая лишних вопросов, наполнил наши рюмки.

— Вина? — добродушно улыбаясь, спросил Степан.

— Не откажусь.

Я поднялся вслед за Степаном, держа ледяную рюмку в руке. Наши взгляды встретились.

— За знакомство! — чокаясь со Степаном, я заметил, как на секунду его лицо стало вдруг серьёзным, словно он придавал этим словам важное для себя значение.

— Вот. Извольте, Антон, — подметив мой взгляд, Степан, сдерживая улыбку, протягивал мне наколотый на длинную позолоченную вилку вожделенный огурчик. Отбросив условности, я схватил огурец и, прижав его к носу, глубоко втянул в себя резкий, пряный аромат уксуса с укропом. Ворвавшийся в ноздри солёный дух, насыщенный травами и чесноком, вернул наконец способность дышать. И я, смахнув непрошенную влагу с ресниц, захрустел, казалось, на весь ресторан, яростно уничтожая спасший меня огурец.

— Как вам наши Вятские огурчики? — Степан протягивал мне ещё один огурец. — Будете уезжать, обязательно прихватите пару баночек на подарки. Год будут хрустеть. Это я вам гарантирую.

— Огурчики и впрямь бесподобные, у нас таких не найдёшь, — ответил я Степану, усаживаясь, а про себя, усмехнувшись, добавил:

— До отъезда ещё дожить надо. Так что, любезный Степан, будем посмотреть...

— Принеси-ка нам меню, голубчик, — обратился к официанту Степан.

— Н-н, не надо меню, — с запинкой (сколько ж оно градусов, это вино-то?) заявил я и, как можно увереннее, добавил:

— Целиком полагаюсь на ваш вкус, Степан.

— Как пожелаете, господин Орлов.

Степан, хитро прищурившись, посмотрел на официанта: — Тогда...

— Я понял, ваш двойной «Фирменный», Степан Валерьевич, — официант поклонился и исчез.

Убаюкивающее тепло плавными волнами охватывало тело. Я расслабился. Мир вокруг казался безопасным и дружелюбным...

— Я смотрю, вас тут хорошо знают, Степан, — начал я.

— Да. У меня тут до работы два шага. Каждый день, почитай, здесь обедаю. Да ещё и сколько лет уж по выходным с друзьями на бильярде поигрываем. Ещё по одной, Антон? — потянувшись к графину, спросил Степан.

— Помилуйте, сударь. Я ещё от первой рюмки не отошёл. Уж больно забористое у вас вино, — немного смутившись, ответил я.

— Ну, наконец-то, — Степан, с довольной улыбкой потирая руки, словно и не заметив моего смущения, смотрел на подошедшего к столу официанта.

— Обижаете, Степан Валерьевич. И минуты не прошло, — официант с ловкостью фокусника начал расставлять блюда, снимая их с огромного позолоченного подноса, лежавшего на руке.

С невозмутимым видом, забавно окая и проглатывая окончания, он словно объявлял звёзд этого гастропу. Я, с восторгом наблюдая эту мизансцену, отмечал для себя совсем уж мудрёные непонятные названия: Трудножки..., Ярушки..., Ушное..., Душепарка...

Официант закончил выкладку, внимательно осмотрел стол и, наклонившись к Степану, добавил:

— Ушное уже в печи. Готово будет через 30 минут, — и, увидав его одобрительный кивок, бесшумно удалился.

Степан оказался не только искушённым гурманом, но и прекрасным рассказчиком. Через час, ощущая себя готовым лопнуть воздушным шариком, я уже знал: секрет хруста Вятских огурцов, чем ярушки отличаются от пельменей, как возникло название «Трудножка» и почему «Разсол» не терпит куриных яиц... Названия были настолько нелепо-настоящие, что захотелось как-нибудь потом проверить: они были выдуманы — или я, и правда ем настоящую аутентичную «историю».

— Душепарка, господа, — официант поставил на стол хрустальный кувшин, наполненный золотисто-янтарной жидкостью. Медово-ягодное тепло тут же наполнило воздух пряно-травяными ароматами...

Я мысленно проговорил это необычное название. Слово звучало слишком естественно и понятно, чтобы быть выдумкой — из тех вещей, которые когда-то существовали, а потом просто исчезли из обихода, но до сих пор звучали, как что-то давно знакомое.

Я сделал небольшой пробный глоток. Приятное тепло душепарки быстро разливалось по телу, растворяя в себе остатки утреннего стресса. Мир вокруг казался уже не таким уж и

враждебным, а Степан, так и вовсе — другом. Внезапно это меня насторожило: слишком уж быстро мне стало так хорошо и спокойно на душе.

— А чем вы занимаетесь, Степан, если не секрет? — начал я, сделав небольшой глоток. Степан улыбнулся, его глаза лукаво заблестели.

— Аптекарь я, господин Орлов. Моя лавка тут совсем рядом — прямо за углом. Знаниями предков о травах да кореньях промышляю. Случается — и для самого Князя Береста снадобья готовлю.

— Князь Берест, — мысленно повторил я. — Выходит, здесь все по-взрослому, и это вовсе не просто местная экзотика.

Перед глазами тут же всплыл странный шлем на голове князя, вдруг напомнившего мне Мага с обложки. Я кивнул, сохраняя выражение вежливого интереса:

— Князя? Я видел его портрет в газете. Такой... необычный шлем на голове. Как у витязя.

Степан, вмиг став серьёзным, задумался.

— Да... у Князя свои представления о... защите. И о власти тоже, — он понизил голос почти до шёпота. — Но, о символах правителей нам с вами судить негоже.

Степан отхлебнул душепарки, и его лицо вновь расправилось.

— Кстати, о газетах... Не видели? Там про концерт Собинова писали.

Я не смог скрыть свой неподдельный искренний интерес:

— Как же, читал! Леонид Витальевич? Неужели тот самый? Я и не думал, что он... ещё поёт...

Во взгляде Степана снова возникло оценивающее выражение, которое я уже видел сегодня.

— Попался, — мелькнуло у меня. — Слишком много знаю для приезжего.

— Тот самый, голубчик! — воскликнул он. — Поёт. Да ещё как! Орфей русской сцены! Ажиотаж невероятный. Все билеты раскупили за пару дней.

В этот момент Степан выдержал паузу, явно наслаждаясь произведенным эффектом.

— Но для вас, Антон... я, возможно, смогу достать. У меня еще остались знакомства в театре.

Глядя на загадочно улыбавшегося Степана, я вдруг понял: он совершенно искренне, по-дружески хотел помочь мне попасть на этот концерт.

— Я буду невероятно благодарен! — сказал я без малейшего притворства. — Это было бы просто здорово. Решив воспользоваться возникшей, как мне казалось, дружеской, доверительной атмосферой, я копнул глубже:

— А ещё прочитал в газете: поймали каких-то заговорщиков. У вас и впрямь тут неспокойно? Я думал, Ярославль — город тихий.

Тень набежала на лицо Степана. Он бегло огляделся по сторонам.

— Господин Орлов... — его голос вновь стал тихим и серьёзным.

— Есть такие, кому спокойная жизнь поперёк горла стоит.

«Заговорщики», «Смутяны», «идеалисты»... Называют их по-разному. Только вот начальник нашей полиции господин Борцов с нарушителями порядка, да и с просто сочувствующими, как мне известно, особо не церемонится. Так что... эту тему на публике, Антон... я бы обсуждать не советовал. Что ж, предупреждение было понятно, и я молча кивнул.

Степан наклонился чуть ближе ко мне. Улыбка сошла с его лица.

— Знаете, Антон... Вы человек удивительный. На бильярде играете феноменально, познания необычные, вопросы ещё страннее. Временами мне кажется, что вы смотрите на наш город не так, как смотрят приезжие. Будто вы знаете о нем несколько больше, чем показываете окружающим.

— Если друг оказался вдруг... — лениво промурлыкал Рифмоплёт.

— Да уж. Вот тебе и простодушный аптекарь. Напоил. Накормил...

Да ещё и душепарка эта растворила своим теплом остатки моей осторожности. Ещё минуту назад я расслабленно предвкушал грядущие приключения в этом безопасном мире, воспринимая Степана уже не просто случайным знакомым, а почти другом. И вот неожиданный, странный вопрос «друга», оказавшегося прямо мастером дедукции (на чём я прокололся-то?), поставил меня перед выбором: изворачиваться, лгать напропалую или довериться?

Я взглянул на Степана. В его глазах не читалось угрозы. В них светился, скорее, интерес учёного, удовлетворённого результатом успешно проведённого эксперимента.

Я медленно выдохнул и негромко, подражая интонации Степана, пошёл ва-банк:

— А давайте договоримся... Я не спрашиваю, как вы догадались. А вы... не спрашиваете, откуда я. Пока что. Я здесь чужой, Степан. И человек, который не спешит сдавать меня первому жандарму, для меня уже очень много значит.

Казалось, полностью удовлетворённый моим ответом, Степан довольно кивнул:

— По рукам. Значит, будем знакомы... заново.

Он поднял свой бокал с душепаркой, и я, с облегчением вздохнул, и молча последовал его примеру. В наступившей тишине мы негромко чокнулись, и раздавшийся тихий звон хрусталя словно подвёл черту под нашим молчаливым договором.

Обед подошёл к концу. Степан отодвинул стул и, достав из жилетного кармана массивные золотые часы на цепочке, эффектно щёлкнул крышкой.

— Прошу прощения, господин Орлов. Вынужден Вас оставить: Князь Берест не любит, когда опаздывают, а у меня еще не все лекарства приготовлены.

Степан поднялся из-за стола, и, оправив сюртук, протянул мне руку:

— Всемерно рад знакомству, Антон, — улыбаясь, произнёс он и, продолжая сжимать мою ладонь, добавил:

— Насчёт билета на Собинова я сегодня же наведу справки.

Я встал вслед за ним, по-настоящему растроганный его участием.

— Я бесконечно вам благодарен, Степан. Вы и представить себе не можете, насколько это важно для меня. Мы вышли из ресторана в прохладный, залитый ярким светом хрустальной люстры вестибюль и спустились в холл. Я ненадолго задержался перед массивными дубовыми дверьми, глядя сквозь их стекла незнакомую улицу за ними. Безмятежная ленивая расслабленность от сытного обеда и удачной, как казалось, договорённости понемногу уступала место тревоге.

— Степан, — обратился я к своему новому и пока единственному в этом городе знакомому, собиравшемуся уже спуститься по лестнице.

— Посоветуйте, куда можно сходить? Хочется по городу немного побродить, осмотреться.

Степан с готовностью обернулся, будто ожидал подобного вопроса:

— Обязательно ходите на Стрелку. Это визитная карточка города, можно сказать, — улыбнувшись, Степан размашистым жестом указал направление.

— Отсюда рукой подать. Доберетесь сначала до Американского моста, — он махнул рукой в сторону большого окна, — а там уже не заплутаете. Виды — загляденье! Особенно сейчас, под вечер.

Улыбка внезапно сошла с лица Степана, сделав его вновь серьёзным.

— Только будьте осторожны, Антон, — сказал он, понизив голос, и внимательно осмотрелся вокруг.

— Я слышал – на другом берегу реки ... там сейчас неспокойно. После недавнего указа Князя проход на правый берег Которосли ограничили. Думаю, не стоит вам, Антон лишний раз искушать судьбу, да и княжескую стражу, тем более.

— Понял, — кивнул я, стараясь выглядеть благоразумным. — Ограничусь и одним левым берегом реки, не вопрос. Спасибо за предупреждение, Степан.

— Всегда пожалуйста, Антон. Уверен, вам понравится. Там есть на что посмотреть.

Он снова протянул мне руку. Крепко её пожал, я вдруг понял, что это уже была не пустая формальность. Теперь я видел в этом жесте, говорившее о многом, подтверждение нашего союза.

— До скорого, Антон.

— До скорого, Степан.

Он развернулся и через услужливо распахнутую придверником массивную дубовую дверь вышел на улицу.

Я остался один на пороге гостиницы, но на этот раз одиночество не было гнетущим. У меня был план. И целый город для исследования.

Настораживало лишь то, что пока этот город, огромный, величественный и красивый, больше походил на лишённый опасностей заповедник...

Я, судя по медной табличке на стене дома, вышел на Петровскую улицу, и впервые рассмотрел своё временное пристанище. Решив изучить его получше, я перешёл на другую сторону улицы и развернулся.

Изящное, несмотря на свои внушительные размеры, каменное трёхэтажное здание в стиле эклектики, с чугунной террасой, нависавшей над входом, в которой я без труда узнал свой балкон.

Я в восхищении покачал головой. Передо мной возвышался настоящий, радовавший глаза простых горожан и истинных ценителей, памятник архитектуры.

Название «Царьград», казалось, идеально соответствовало и роскошному внутреннему пространству, и своей изящной оболочке. Чем дольше я смотрел на здание, тем меньше мне хотелось воспринимать его как всего лишь, искусно выполненную декорацию.

Гостиница так естественно несла своё имя, что мне уже хотелось по-настоящему верить, что такое место когда-то действительно существовало в реальности.

Город был оживлённым: люди гуляли, магазины бойко торговали, туда-сюда сновали кареты. Наверное, именно так, и мог был бы выглядеть обычный день губернского Ярославля в 1897 году.

Лишь две вещи выбивали меня из колеи, делая эту картину «ожившей истории» странной, и неестественной: за всё время я не увидел никакой уличной живности — ни собак, ни кошек, ни птиц. И повсюду, как истуканы, стояли застывшие жандармы с каменными лицами.

На площади у Власьевской башни я немного заплутал и, решив спросить дорогу, подошёл к одному из них. Тот молча, механически указал направление, даже на меня не взглянув.

Его лицо вблизи было отрешённым и пустым. Именно тогда до меня дошло: все эти лица жандармов на улицах были не просто похожи — они были абсолютно одинаковыми, словно распечатанные с одного неудачного, размытого фото.

— Японские городовые... — вдруг тихо прозвучал задумчивый голос внутри. Я поднял взгляд на бесстрастное лицо жандарма и понял, что лучше и не скажешь: на этот раз Рифмоплёт попал в самую точку.

Свернув к Гостиному двору, я увидел оживлённые торговые ряды. Меня позабавила вывеска «ПОСИКУНЧИКИ» над бревенчатым павильоном.

— Сильное название для бренда. Захочешь — не забудешь, — усмехнулся я про себя и направился к лавке.

Чтобы протестировать локальный фаст-фуд, пришлось даже немного потолкаться в очереди. Я взял местное комбо «Вместе-вкуснее» — пол дюжины посикунчиков (мини-пирожков с рыбой, как оказалось) с ароматной горячей душепаркой. Еда, оказавшись на удивление вкус-

ной, так же быстро и закончилась. Я ещё немного побродил по торговым рядам на площади и двинулся дальше.

Выйдя на Стрелку, у меня аж дух захватило от размаха открывшейся панорамы. Величественная степенная Волга и стремительная игривая Которосль сплетались в единый мощный поток прямо перед глазами.

Напротив, высился мрачный, похожий на дворец, бывший Демидовский лицей с колоннадой. Солнце едва пробивалось сквозь густые облака, освещая пространство тусклым неестественным светом.

Этот эпический пейзаж портило лишь одно: жуткий туман — сплошная, молочно-белая, зловещая непроницаемая стена, скрывавшая дальний берег Волги. Огромные клубы медленно перекатывались в его толще, словно живая, безликая сущность.

Я наконец оторвал взгляд от завораживающей своим непрерывным движением стены тумана и, спустившись с мыса, пошёл вдоль набережной Которосли к видневшемуся вдали Американскому мосту — изящной однопролётной металлической конструкции, уходящей на другой берег.

Поднявшись на мост, я, вовремя вспомнив предостережение Степана, дошёл лишь до небольшой смотровой площадки посередине, с которой открывался прекрасный вид на оба берега.

Город передо мной лежал как на ладони. Невысокие каменные дома, перемежавшиеся с деревянными избами, лавки и амбары с причалами у самой воды. Чуть поодаль над зеленью садов возвышались силуэты церквей с золотыми куполами.

— Тишь. Гладь. Да Божья благодать, — расчувствовался Рифмоплёт.

Я, вдохнув полной грудью речной свежести, поднял взгляд к горизонту. Этот успокаивающий душу величественный вид, казалось, и впрямь был достоин кисти великого художника.

На другом берегу, сразу за мостом, начиналась территория Ярославской Большой мануфактуры. Повсюду виднелись длинные фабричные цеха с рядами высоких окон и дымящимися трубами.

За фабрикой, уже перед самым лесом, виднелась белокаменная колокольня с золотым крестом...

— Глаза протри, — вдруг вмешался в моё беззаботное созерцание Рифмоплёт.

Я снова посмотрел на колокольню. Башня как башня. За ней начинался густой лес...

— Лес!

За лесом стояла уходящая ввысь клубящаяся стена тумана, уже на самой высоте сливаясь с медленно плывущими по небу молочными облаками...

— Вот тебе, Антонио, и Юрьев день, — немного напряжённо прозвучал задумчивый голос Рифмоплёта.

— Да. Первый раз — случайность. Второй — совпадение. Третий... Ну а до третьего надо ещё дожить, — подумал я и попытался собраться с мыслями.

Я стоял на середине Американского моста и, опёршись локтями о прохладный металл перил, смотрел вдаль. Этот загадочный туман прочно засел в моей голове.

Мои размышления нарушил стук быстрых, лёгких шагов, цокавших по деревянному настилу пешеходной дорожки. Я обернулся.

По узкому проходу со стороны города шла девушка. Не шла — почти бежала, коротко дыша и постоянно оглядываясь за спину.

Её высокие кожаные сапоги эффектно дополняли костюм наездницы, подчёркивающий стройность её фигуры. Её медно-рыжие волосы развевались на ветру.

Я замер, застигнутый врасплох этой вспышкой живой, тревожной энергии, исходившей от неё. Она была уже рядом и, попытавшись протиснуться мимо меня в узком проходе, её плечо на мгновение коснулось моей руки.

Она лишь мельком взглянула на меня, но я успел прочитать в её огромных изумрудно-зелёных глазах острое, холодное напряжение. Она прошла мимо, и тут же я увидел причину её тревоги.

За ней, держась на отдалении, не торопясь, уверенно шла преследующая её пара жандармов. Я вдруг услышал сдавленный вскрик и обернулся: со стороны мануфактуры на мосту появилось еще два жандарма. Они шли не спеша, понимая, что из захлопнутой ими ловушки, девушка уже не выберется.

Девушка остановилась, оказавшись в западне. Она резко повернулась назад. Наши взгляды встретились снова. Она не молила о спасении.

На этот раз она смотрела прямо, зло и отчаянно, будто за секунду хотела понять, чего я стою на самом деле. Этот взгляд пронзил меня насквозь, отбросив все мысли об осторожности и последствиях.

Я почувствовал, как завибрировал дощатый настил под ногами, и следом воздух содрогнулся от тяжелого нарастающего гула. Из-за реки, на мосту показалась дышавшая паром морда огромного железного «монстра» – допотопного паровоза, с грохотом тянувшего длинный товарный состав за собой. Вагоны с лязгом вздрагивали на стыках рельсов, постепенно приближаясь.

Жандармы с двух сторон ускорили шаг, сжимая кольцо.

— Пстой, паровоз, не стучите, колёса... — скороговоркой пропел в голове Рифмоплёт.

Решение возникло мгновенно. Я успел подумать только, что это не моё дело, и по большому счету меня оно не касается, но ровно в тот же миг понял: если сейчас останусь безучастным наблюдателем, потом себе этого уже не прошу.

Я рванул вперёд. Крепко схватил девушку за руку выше локтя.

— Бежим! — крикнул я, и прямо перед самой мордой железного зверя рванул её за собой через пути. Мы едва успели отпрыгнуть к перилам, как состав с оглушительным ревом пронёсся мимо, отделив нас грохочущей железной стеной от преследователей.

Состав, казалось, тянулся бесконечно. Прижимаясь спиной к холодной ферме моста, я лихорадочно искал глазами выход из этой тупиковой ситуации. Мимо медленно проплывала открытая платформа, груженная тёмными тюками. Это был шанс, и, возможно, уже последний.

Я взял девушку за руку. Она бросила на меня спокойный, сосредоточенный взгляд и кивнула. Она уже всё поняла и без слов.

Платформа поравнялась с нами. Я обеими руками крепко обхватил её талию и рывком подсадил на край открытой площадки. Она вскрикнула, и её пальцы тут же вцепились в грубую древесину. Раздался оглушительный гудок паровоза. Девушка вскочила на ноги и прижалась к тюкам.

Сквозь медленно оседавшие клубы пара поезд, набирая ход, увозил её всё дальше. Девушка вдруг обернулась, и на несколько секунд наши взгляды снова встретились. В её глазах была уже не тревога, а сразу всё вместе: удивление, благодарность, предостережение.

Поезд ушёл. Быстро отдалявшийся грохот затих вдаль и сменился наконец тишиной, нарушаемой лишь свистом ветра.

Пар ещё стелился над рельсами, но девушка, вместе с платформой, уже исчезли из виду.

На мосту стояли лишь четверо абсолютно спокойных, равнодушных жандармов и я, пытающийся совладать с бешено колотящимся сердцем.

Жандармы подошли ко мне. Лицо старшего было как у пластикового манекена, лишённое даже намёка на эмоции.

— Пряма выпускник школы покерфейсов какой-то, — нехотя выдавил из себя довольный Рифмоплёт.

— Эй, ты! Куда она подевалась? — грубо окрикнул меня жандарм.

Я, сделав вид, что не понимаю, о чем идет речь, глупо улыбнулся, и в недоумении пожал плечами. Мой голос прозвучал на удивление спокойно:

— Кто? А-а, я понял. Вы о девушке? В речку прыгнула, наверное. Вас испугалась. А я, я... просто гулял тут, воздухом дышал. И вообще, сами мы не местные...

— Не мороси, Антоша. Ты переигрываешь, — «выдернул» меня из эмоционального шока Рифмоплёт. Я глубоко вдохнул, пытаюсь выровнять дыхание, и, глядя на жандармов, зачем-то оправил сюртук.

Жандармы собрались все вместе на смотровой площадке, и словно по команде, «застыли» на месте. Один из них вдруг повернулся ко мне, и небрежно махнул рукой в сторону города.

Я кивнул и, не оборачиваясь, пошёл прочь с моста, чувствуя спиной их колючие взгляды. Я как-то слишком легко отделался. А это, исходя из моего опыта, ничего хорошего для меня не предвещало. Вот так, нарушив свое собственное обещание Степану не совать нос куда не надо, я легко и просто поменял свой статус в этом мире. Был беззаботным исследователем, а стал... как минимум сообщником преступника. Может, даже и, опасного преступника, как знать. Я улыбнулся:

— Зато теперь я знал, что где-то в этом чужом городе живет девушка, чьё лицо я уже не смогу забыть. И чьи враги теперь знают и обо мне тоже.

Дальше всё происходило как в тумане. Я шёл, не разбирая дороги, машинально открывал двери, поднимался по ступенькам. Когда наконец я добрался до номера, сил уже не осталось. Я не стал снимать одежду, рухнул на кровать и сразу провалился в сон.

Глава 6. Я помогу вам

Проснулся рано, отметив, что на удивление спокоен как удав, а в голове лишь беспечная пустота.

Ни обрывков сна, ни осадка от вчерашних переживаний. Я лежал, глядя в потолок, и методично перебирал в голове факты, пытаюсь понять, что произошло со мной вчера на самом деле, а что — могло просто показаться.

Мысли размеренно, деловито возникали в голове, будто я по-прежнему мог объяснить, и даже, контролировать все происходящее. Это расслабляло и успокаивало. В один момент мне даже показалось, что если действовать аккуратно и, без лишних эмоций, то из этой истории мне ещё можно будет выйти без особых потерь.

Итак, факты. Попал в Ярославль, который не совсем чтобы, и Ярославль. Вчерашние жандармы очень походили на поверхностно выполненных клонов. Ни кошек, ни птиц, ни собак. Странно. Но... пока что, чертовски интересно.

Правая рука сама потянулась к «Проникателю». Вглядываясь в его спокойное голубое мерцание, я вдруг улыбнулся, вспомнив своё вчерашнее фиаско. Когда сдуру надавил на кнопку «вперёд», непонятно на что рассчитывая. К счастью, как было ясно сейчас, в никаком из смежных слотов реальности я так и не оказался, а вот попытаться сразу вернуться домой почему-то не додумался...

Москва была всего в одном нажатии кнопки, если, конечно, эта штукавина вообще работала так, как я себе нафантазировал.

Я задумался. Чувство долга давило привычным грузом: аванс получен, контракт подписан, дела... А вот дела остановились, и можно сказать, что по моей вине. Но не только это заботило меня сейчас. Были и другие вопросы...

Если окажусь сейчас в Москве, смогу ли вернуться? Снова увидеть этот загадочный и так похожий на реальность мир?

Я вздохнул, словно не хотел признаваться себе, что и Москва, и весь этот таинственный мир со вчерашнего вечера вдруг перестали быть для меня самым важным.

Её взгляд... Сейчас единственным реально важным, застрявшим колючей занозой в моей голове, был тот безмолвный, отчаянный взгляд. Я должен был найти её. Хотя бы для того, чтобы просто ещё раз увидеть эти изумрудные глаза...

Я отложил «Проникатель». Решение было принято. Остаюсь по крайней мере до концерта. Именно так звучала официальная версия. А вот как это называлось на самом деле, я пока предпочитал не уточнять. Даже самому себе.

Пока, спокойно реагируя на сверкающее мраморное великолепие вокруг, я умывался, ловил себя на мысли, что начинаю привыкать к этому абсурду.

Заказав кофе с булочками и мазюней, такой местной «Нутеллой» из сушёной редьки на завтрак, я, расположившись в плетёном кресле на балконе, с интересом наблюдал за лениво просыпающимся городом.

Без суеты, без спешки, без опаздывающих на работу прохожих. Всё было чинно, спокойно, неторопливо. И для меня, как жителя столицы, всё это казалось довольно необычным и даже немного забавным.

С наслаждением прикончив последнюю булочку со сладковатой пряной мазюней, ещё ощущая во рту её терпкое, с лёгкой горчинкой, послевкусие, я подошёл к зеркалу у выхода. В последний раз поправил галстук и с удовлетворением отметил, как легко и непринуждённо я вжился в этот образ городского щёголя позапрошлого века.

— Ну вот. Теперь, совсем свой среди чужих. Пора бы уже было прикупить, и собственный настоящий костюм, — подумал я, когда в дверь постучали.

Негромко, но уверенно. Сердце дёрнулось. Я всё утро инстинктивно ожидал чего-то подобного...

— Кто бы это? — мелькнул риторический вопрос, и тут же в голове поплыли картинки: кража одежды, погоня на мосту, стеклянные глаза жандармов. За вчерашний день, в этом мире наследил я предостаточно. Да еще как...

Мысленно собрался и открыл дверь. На пороге стояли двое. Два одинаковых мундира. Два одинаковых лица. Двое «японских городских», как называл их Рифмоплёт...

— Ну что, Антоша, приплыли? — тут же, легок на помине, влез Рифмоплёт. — Я ж тебя предупреждал. Не воруй – посодют!!! — проворчал он.

Крыть было нечем. Я вздохнул, и сделал спокойное лицо.

— В чём дело, господа? — спросил я ровным, как мне показалось, тоном, в котором не было ни страха, ни вызова.

— Господин Орлов. Прошу Вас пройти с нами в отделение, — равнодушно предложил полицейский.

— Так в чём, собственно, дело? — повторил я, чувствуя лёгкий холодок под лопатками. — Это какое-то недоразумение, — уже как-то неуверенно, совсем «по-киношному», возразил я.

— Не извольте беспокоиться, сударь. Вам там всё объяснят, — невозмутимо ответил жандарм.

Жандармы не угрожали, не хватали за руки. Они неподвижно стояли на месте в двух шагах от меня и спокойно ждали. И в этой их мрачной, равнодушной уверенности, я отчетливо видел всю неотвратимость печального для меня исхода. Какие были у меня варианты? Убежать? Оказать сопротивление? Бред. Себе только хуже сделаешь — вот это уже совершенно точно. Знать бы, из-за чего весь этот сыр-бор вообще...

Я вздохнул. Не надо было быть Шерлоком, чтобы увидеть два очевидных варианта. Первый — украденная одежда. Глупо, мелко, зато взяли с поличным — не отвертеться.

И второй — история на мосту. Там всё казалось куда хуже: формально я просто прогуливался, а по факту - помог незнакомой девушке скрыться от полиции.

— Хорошо, — наконец сказал я, приняв единственное, как мне казалось, разумное решение.

— Пойдёмте, разберёмся.

Я вышел в коридор, и жандармы тут же встали рядом со мной — один впереди, другой сзади.

— Ну что, Антоша? Игры в песочнице, закончились? — риторически прошептал Рифмоплёт.

Я шёл по коридору, и единственной чёткой мыслью было прочитанное когда-то наставление: главное — ничего не подписывать, и сразу требовать адвоката. Хотя... далеко не факт, что адвокаты здесь вообще имели место быть.

Невозмутимые жандармы, не проронив ни слова, неспешно вывели меня из гостиницы под удивленными взглядами прислуги. У самого входа, запряжённая парой вороных, стояла закрытая карета. Дверцу распахнули, я забрался внутрь и уселся на жёсткую деревянную скамью. Дверца, шёлкнув замком, захлопнулась.

— Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой, — тут же затянул неунывающий Рифмоплёт.

Я вдруг улыбнулся, внезапно вспомнив, что уже давно хотел прокатиться в карете. Не в такой вонючей, конечно, но всё же. Как говорится — бойся своих желаний...

Но вот сейчас желание у меня было только одно — чтобы это всё поскорее закончилось.

— Хорошо хоть успел позавтракать, — эта промелькнувшая мысль, вместе со все еще стоявшем во рту незабываемым вкусом мазюни, меня немного развеселила, отвлекая от суровой действительности.

Лошади заржали, и карета наконец тронулась, нервно подсакивая на булыжной мостовой. Я сидел, откинувшись на спинку, и тупо смотрел в запылённое оконце.

Мимо плыли серые фасады, мелькали фигуры прохожих.

Перед глазами вдруг возникла книга «Преступление и наказание» Достоевского. Вот там было преступление, так преступление. А у меня что? Просто — фи... Опросят и отпустят...

— Ага. В камере расскажешь про своё фи. Смотри, не обделаешься там, Достоевский, — продолжал нагнетать Рифмоплёт.

Не поддаваясь угрозам Рифмоплёта, я сидел и, придерживаясь за прикрученную к стене скобу, равнодушно смотрел на улицу. Страха я не ощущал его, лишь вялая апатия с симптомами лёгкой мигрени овладела мной, лишая всякого желания мыслить.

Наконец мы свернули с главной улицы во двор, послышались голоса, и карета резко остановилась возле невзрачного двухэтажного здания.

Управление встретило меня спокойной, унылой, но в то же время деловой атмосферой. Дежурный офицер, даже не пытаясь взглянуть мне в глаза, профессионально обыскал меня, сложил всё найденное в коробку и неторопливо сделал запись в журнале. Затем меня провели к следователю. Допрос был коротким и циничным.

— Присаживайтесь. Прошу, — голос следователя, стоявшего у окна, был в точности похож на голос дежурного офицера, ну разве что чуть грубее. Следователь подошёл к столу и уселся в невысокое кожаное кресло.

Сейчас, рассмотрев его поближе, я смог обнаружить между ними небольшие отличия. Следователь казался чуть постарше, чуть тучнее, даже взгляд у него, как мне казалось, был почти осмысленный. Но черты лица у обоих полицейских были, сколько я ни присматривался, как под копиру.

— Итак, молодой человек. Поведайте: кто вы, откуда, и каким ветром вас сюда занесло.

Его голос звучал вполне дружелюбно, и это показалось мне удивительным.

— Антон Орлов, — стараясь не встречаться с ним глазами, я начал излагать свою незамысловатую легенду.

— Коммерсант. Из Москвы. Занимаюсь кофе.

— Хм-м. И как же вы, голубчик, добрались до нас? Из Москвы? — в этот момент он перестал писать и посмотрел на меня.

— Да что они все на эту Москву так неровно дышат? — подумал я, пытаясь скрыть нарастающее тревожное напряжение.

— Ну как... Купил билет, сел на поезд. Добрался до гостиницы. И-и...

— На по-ез-де, — по слогам повторил за мной следователь, заканчивая записывать.

— И как одежда господина Петрова из десятого номера оказалась на вас? — следователь немного театрально указал на меня пером, и улыбнулся.

Сколько я ни готовился к этому вопросу, он всё равно застал меня врасплох. Волна панического страха мгновенно смыла с меня всю прежнюю уверенность.

— Я... Сдавал вещи в чистку. Мог перепутать. Плохое освещение в коридоре. К тому же... был не совсем трезв. Проспался, особо не обратив внимания, вышел на улицу. Когда обнаружил оплошность, тут же захотел вернуть всё назад. Досадное недоразумение вышло, — выдал я одним махом, практически скороговоркой, сухой казённый текст. Словно прочитал самим же составленный протокол.

— Понятно.

Улыбка не сходила с лица следователя. Казалось — ещё немного, пару моих дебильных ответов, и он заржёт в голосину. Он встал, подошёл к окну. И, не поворачиваясь ко мне, спросил:

— А что привело вас вчера на Американский мост?

Я, уже по инерции, продолжил в том же духе:

— Гулял. Осматривал город. Решил посмотреть с моста на реку.

— Ну что же, господин Орлов. Вопросов больше не имею. Вас ждут за дверью.

Я встал, подошёл к двери.

— Ах да, чуть не забыл. Вам нужен адвокат?

Я повернулся, встретившись с изучающим взглядом следователя.

— Вы адвоката будете нанимать? — по-своему истолковав моё молчание, повторил он вопрос.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Адвокат? Почему он спросил сам? Это ловушка такая?

— Да, если сочту это необходимым, — угрюмо ответил я.

Следователь пожал плечами, словно ожидав такого ответа, и уселся за стол, явно потеряв ко мне всякий интерес...

Ожидавший у входа в кабинет жандарм отвёл меня напрямик в камеру — небольшое, холодное, с липким каменным полом помещение.

Внутри, на грубых деревянных нарах, сидели несколько человек. В углу дремал, поджав ноги, крестьянин в посконной рубахе. Сгрудившись у дальней стены, о чём-то горячо спорили трое молодых людей в поношенных студенческих шинелях. Я присел на свободное место, стараясь не привлекать к себе внимания.

Что ж. Разговор со следователем ни к чему новому не привёл. Не считая одного интересного момента, я находился сейчас ровно в той же точке, что и до моего ареста.

— Это фиаско, братан, — хриплым, грубым голосом подвёл итог Рифмоплёт. Я медленно осмотрелся вокруг, и вздохнул: я уже не понимал, чего он хочет — то ли облегчить, то ли усугубить моё, и так удручённое состояние.

— Жаль, что я так и не изучил психотренинг. Сейчас бы отрешиться от всего, успокоиться... — я закрыл глаза и прислушался.

До слуха долетали обрывки фраз: «...князь...», «...бомба...», «...надо действовать...». Я вспомнил. Студенты-заговорщики. Возможно, те самые, о которых я прочитал в газете. И начальник полиции, Борцов, если память мне не изменяет, отрапортовал, что раскрыл их заговор.

Я наблюдал за парнями краем глаза. Лидером оказался худощавый блондин с горящими решимостью глазами. Немногословный. Держался спокойно, уверенно. Он не давил своим авторитетом, но во взглядах смотревших на него ребят явно читалось неподдельное уважение.

Парень, словно почувствовав на себе мой взгляд, на мгновение замолчал, и оценивающе посмотрел на меня.

— Тренированный и осторожный, — подумал я, и тут же отвёл глаза, уставившись в потолок...

Медноволосая девушка на мосту, заговорщики, жандармы... Всё это пока не складывалось в единую цепь, но отдельные звенья уже как-то слишком подозрительно позвякивали рядом.

Просидев в этой унылой неподвижности ещё какое-то время, я вдруг отчётливо понял, что находиться в этой душной камере в ожидании чудесного вызволения мне, скорее всего, придётся долго. А учитывая, как я понял ещё утром, ленивую неспешность этого мира, возможно, и неприемлемо долго.

По сути, у меня был единственный шанс попытаться хоть как-то изменить эту мрачную ситуацию.

Это было рискованно, но получиться могло. Тем более что никакого другого варианта у меня просто не было. Я вскочил, и начал решительно тарабанить в ржавую железную дверь...

Через час дверь с лязгом отворилась, и я услышал:

— Орлов, на выход. За вас внесли залог.

— Сработало! — мгновенно воспрянувший духом, я поднялся и бросился к открытой двери.

На пороге еле освещённого холла стоял Степан, держа в руках какие-то бумаги. Дрожащие от еле горевшего светильника тени на его лице не позволяли мне разглядеть его настроение.

Степан повернулся к дежурному, и в этот момент, как мне показалось, по его лицу пробежала торжествующая улыбка. Дежурный протянул мне бланк и коробку с моими вещами.

— Распишитесь, господин Орлов. Вы свободны, пока... Единственное условие — не покидать Ярославль до особого распоряжения.

От этих слов я буквально физически почувствовал, как с моих плеч будто упала тяжкая ноша. Нашли чем напугать заядлого путешественника по магическим мирам.

Я выпрямился, расправил плечи и, вскинув подбородок, с горделивой улыбкой последовал за Степаном.

Мы вышли на улицу и, отойдя немного от участка, зашли в первое попавшееся уличное кафе. Сели за столик под тёмным тентом и сделали заказ.

— Спасибо, Степан Валерьевич, — смущённо выдавил я наконец, прервав затянувшуюся паузу. — Я, честно говоря... не ожидал, что Вы...

— Ярославль, Антон, город вовсе не такой простой, каким кажется. Здесь быстро учатся, — Степан отпил глоток. — Или исчезают. На моём веку, бывало, всяко, конечно... Но твоя история с одеждой... — он, широко улыбаясь, покачал головой.

— Слишком нелепо, чтобы быть вымыслом. Или гениально. Полиция решила, что первое. Пока.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу, и поднёс кружку с кофе к носу, сделав вид, что вдыхаю его аромат.

— Я... не хотел проблем.

— И тем не менее это у тебя хорошо получается, Антон, создавать себе проблемы. Да и не только себе... — Степан вздохнул. — Ладно. Забудем. Слушай. Время к обеду. Я сегодня как раз пригласил в гости свою соседку, Елену Дунаеву. Кажется, я тебе про неё уже рассказывал. Приходи. Пообедаем, поболтаем. Думаю, вам найдётся, о чём поговорить.

Я встрепенулся. Имя ничего мне не говорило. Но вот что-то в интонации Степана запустило в голове недавние воспоминания: мост, клубы пара, рыжие волосы на ветру.

Девушка с моста — соседка Степана? Вполне возможно. На фоне других странностей этого города это уже вовсе не казалось мне из ряда вон выходящим событием.

— Весьма признателен за приглашение, Степан. Я непременно буду, — пытаюсь за словами благодарности скрыть охватившее меня волнение, я попрощался со Степаном и направился в «Царьград»...

Дом Степана оказался старинным особняком, перестроенным под аптеку с жилыми покоем во флигеле. В воздухе, несмотря на открытые окна, стоял постоянно менявшийся оттенки лёгкий запах лекарств, в который подмешивались то полынь, то мята, то пыль от старых фолиантов.

В гостиной, куда меня провели, царил мягкий полумрак. Свет от зажжённого камина и нескольких свечей в тяжёлых позолоченных подсвечниках играл на тёмных дубовых панелях, ярко отсвечивая на позолоченных рамах висевших на стенах картин.

Я присел на диванчик у камина рядом со Степаном и какое-то время просто молча слушал одну за другой его нескончаемые истории о забавных случаях из его врачебной практики.

Степан оказался прекрасным рассказчиком, и в другой раз я бы точно не смог долго противиться его заразительному смеху и уморительным историям, но не сегодня. Сегодня мои мысли всецело были поглощены другим. А точнее — другой...

— Кушать подано, — чинно произнёс появившийся в гостиной дворецкий и, поклонившись, степенно отворил перед нами двери. Не думал, что когда-то доведётся услышать эту забавную классическую театральную фразу вживую, а поэтому я улыбнулся и проследовал за Степаном в столовую.

Когда Елена вошла, как я ни готовил себя к этой встрече, сердце всё равно, нервно дрогнув, пропустило удар, и я, поперхнувшись, смущённо закашлялся.

Если вчера она выглядела отчаянной стремительной наездницей, без страха смотревшей в лицо опасности, то сегодня это уже была спокойная, исполненная достоинства, настоящая женщина из плоти и крови.

На ней было платье глубокого изумрудного цвета в тон её глазам, из тяжёлого, чуть поблёскивавшего шёлка. Корсет, охватывавший её стан, был отделан тончайшим чёрным кружевом, а пышная юбка, лежавшая волнами, при каждом её движении издавала едва слышный шелест.

Это была не одежда — это были её «доспехи». Идеально сидевшие, они подчёркивали её царственную осанку, и в то же время отстранённость, заставляя других держать дистанцию. И в этом великолепии Елена казалась мне недостижимой «богиней», явившейся простому смертному.

— Ну всё. Капец тебе, Антонио. Доигрался в паровозики... — вырвал меня из нирваны Рифмоплёт.

Я вздрогнул и наконец заметил взгляд улыбавшегося Степана, направленный на меня.

— Елена. Это Антон Орлов, мой друг. Фабрикант из Москвы, — представил меня Степан.

— Антон, прошу любить и жаловать. Это Елена Дунаева, моя соседка, и к тому же, мой давний добрый друг.

Она кивнула, и её изумрудные глаза на секунду задержались на мне с едва уловимым интересом. В правой руке Елены блеснул миниатюрный серебряный медальон на цепочке, и её длинные изящные пальцы, будто перебиравшие чётки, то и дело касались его, поглаживая гладкую поверхность.

Она уселась рядом со Степаном, оказавшись, к моему трепетному восторгу, прямо напротив меня.

За обедом, в первую очередь, благодаря стараниям радушного Степана, беседа текла плавно и размеренно.

Говорили обо всём понемногу: о городской жизни, медицине, архитектуре, науке. Я, очарованный её низким бархатным голосом, отвечал односложно, не желая какой-нибудь своей неловкой фразой, нарушить этот, такой волнительный для меня момент.

Когда речь зашла обо мне, я, следуя придуманной мной наспех легенде, и, стараясь не особо вдаваться в подробности, рассказал о своей небольшой кофейной фабрике в Москве. Занимаюсь обжаркой кофе, поставками. Планирую расширить бизнес, потому и приехал в Ярославль разведать обстановку.

В тот момент, когда я заговорил о Москве, я уловил едва заметную перемену в её взгляде. Настороженность исчезла, сменившись уже пониманием. Я не понимал истинную причину, но её отношение ко мне изменилось — взгляд стал более открытым и, как мне показалось, исчезло наконец спрятанное глубоко внутри недоверие.

Внезапно возникший в зале слуга бесшумно подошел к столу, и что-то тихо сказал Степану.

— Простите, господа, меня требуют в аптеке, срочный заказ, — Степан извинился и вышел.

Мы остались одни, и я, набравшись смелости, спросил:

— А вы, Елена? — неуверенно начал я.

— Простите, если лезу не в своё дело, но... Вчера на мосту. Эти жандармы, поезд, дым... Мне показалось... Мне трудно делать вид, будто с нами ничего не произошло.

Лицо Елены помрачнело. Я заметил, как побелели её пальцы, сжимавшие медальон...

— Мой отец, Прохор Иванович Дунаев...

Елена встала из-за стола, подошла к камину и замолчала. Она стояла вполборота ко мне, продолжая нервно перебирать медальон. Через минуту, немного успокоившись, она продолжила:

— Отец стал для Князя Береста слишком большой угрозой. К тому же слишком много понимал в механизмах Князя, больше, чем тому было удобно. Потом отец исчез. Я не могу доказать, но знаю, что Князь захватил его и прячет где-то в своих темницах.

Она говорила сдержанно, но я почти физически почувствовал её боль. Подошёл к ней и посмотрел прямо в глаза — бездонные, полные отчаянной решимости и светившейся в них надежды.

И в этот момент во мне вдруг всё словно перевернулось. Я внезапно осознал, что больше не могу относиться к этому странному миру как к необычному приключению. Я по-прежнему почти ничего не понимал — ни про отца Елены, ни про Князя, ни про этот город. Но впервые с момента моего пробуждения здесь чужая беда оказалась для меня важнее собственного спасения.

Мы так и стояли с Еленой, безмолвно вглядываясь друг в друга, когда вернулся Степан. Бросив на нас короткий пронзительный взгляд, он подошёл к столу:

— Ну что, господа? Не испить ли нам душепарки? Вкуснейшая, надо сказать, по секретному семейному рецепту делана. Елена? Антон? — Степан заговорщицки нас оглядел.

— Спасибо, Степан, в другой раз с удовольствием, но сейчас мне уже пора, — Елена попрощалась со Степаном и подошла ко мне.

Я, не в силах сдержаться, взял её руку. Елена вздрогнула. Её холодные, как лёд, пальцы задрожали в моей ладони.

— Я помогу Вам, Елена. Можете на меня рассчитывать, — тихо, но твёрдо и уверенно сказал я, глядя ей прямо в глаза.

Елена не ответила, лишь улыбнувшись, чуть заметно кивнула, но в этом коротком естественном движении было больше доверия, чем в любых словах.

Степан, на правах гостеприимного хозяина, взял Елену под руку, и они направились к выходу.

Я ещё несколько секунд неподвижно простоял, глядя на беззвучно закрывшуюся за ними дверь, всё ещё ощущая её холодные пальцы в своей руке.

Я не мог согреть её руки, как и не мог открыть эту застывшую дверь. Не мог броситься за ней, чтобы сказать что-то важное, переполнявшее меня сейчас и что я так и не решился сказать, когда она была рядом.

Мне вдруг стало так грустно и одиноко, как, наверное, ещё никогда в моей жизни не было. Я почти физически почувствовал страдания моей души и даже не предполагал раньше, что это может быть так больно. Я осознал, что во мне что-то изменилось. И что уже как раньше — больше не будет.

В этот момент мне стало непривычно легко и одновременно тревожно. Боль ушла. Она не исчезла. Она просто растворилась во мне и стала частью меня, моей сущности.

Я опустился на стул, взял со стола чашку с недопитым мной чаем и поймал себя на том, мои руки всё ещё дрожат. Напряжение ещё держало меня в своих цепких лапах и никак не хотело отпускать. Со мной такое было всегда, когда я до последнего избегал принимать последствия своих поступков, делая вид, что их просто не замечаю.

— Я помогу Вам, — я сказал это.

Не подумал, не пообещал себе — сказал вслух. И не кому-то, а именно ей. И сейчас эти слова уже жили отдельно от меня, как выпущенная стрела, которую уже невозможно вернуть, даже если бы очень захотелось.

— Антонио. Ты вообще понимаешь, во что сейчас встрял? — спросил Рифмоплёт.

Я усмехнулся. Похоже, не это сейчас было главным. Мысленно перейдя Рубикон, мне было уже всё равно, во что именно я встрял. Даже если бы и знал, это ничего не поменяло бы.

От этой явки с повинной и чистосердечного признания самому себе на душе сразу стало спокойнее.

Всё. Посуду помыли, мусор выкинули. Порядок навели. Теперь всё стояло по полочкам на положенных местах. И если это кому-то не нравится, это уже его проблема, не моя.

— Ну, Антоша. Сколько сказка ни сказывается, а волк всё равно в лес смотрит, — философски заметил Рифмоплёт.

— Волк — так волк. Лишь бы не мышь, — подумал я и, пожалуй, впервые за день улыбнулся.

Глава 7. Писатель, которого нет

Так и не дождавшись Степана, я вышел на улицу. Вдохнул полной грудью свежего воздуха. Эмоции настолько переполняли меня, что мне захотелось ими хоть с кем-нибудь поделиться. Поделиться с другими моим счастьем.

Наверное, мне даже хватило бы просто улыбок прохожих, провожавших меня понимающим взглядом. Хотелось по-мальчишечьи закричать:

— Смотрите, люди! Я влюбился!

— Мечтать не вредно, вредно орать средь бела дня в малознакомом городе, привлекая к себе излишнее внимание. — Своим грубым вмешательством Рифмоплёт мгновенно остановил мою эйфорическую атаку.

Теперь, когда осколки розовых очков, так спокойно и буднично раздавленных Рифмоплётом, валялись у моих ног, я заново взглянул на мир вокруг. Город встретил меня своей обычной, стабильно-комфортной атмосферой. Ни тебе дождя, ни ветра, ни солнечного неба. Мир несколько не изменился. Просто теперь я воспринимал его как фон. Как сцену с непрерывно менявшимися декорациями. И на этой сцене была Она. Я физически ощущал на себе взгляд ее изумрудных глаз, и от этого становилось и легко, и тревожно одновременно...

«Я помогу вам». Эти слова снова и снова звучали в моей голове, но теперь уже не как красивая фраза, сказанная под влиянием момента. Это было действие. Поступок. Шаг.

Первый настоящий шаг, который в этом мире я сделал сам. Я перестал задавать себе вопросы. Шаг был сделан, и пути назад не было.

Ни о чем не жалея, я шел по этому равнодушному к моим переживаниям городу к своему будущему, не замечая улиц, не обращая внимания на людей, встречавших меня безучастным взглядом. Теперь это меня несколько не беспокоило.

Я шел, погруженный в себя, интуитивно ориентируясь по сигналам своего внутреннего навигатора, и, когда до «Царьграда» оставалось уже рукой подать, я остановился.

Точнее, что-то заставило меня остановиться. Я осмотрелся вокруг. Не заметив ничего необычного, прислушался к своим ощущениям и сразу понял причину. Теперь, в неподвижном состоянии, я отчетливо чувствовал легкую вибрацию в кармане моего сюртука.

Я достал Проникатель и обомлел. Мало того, что он дрожал мелкой дрожью, как включенный на виброрежим телефон, так теперь он еще к тому же, подобно проблесковым маячкам на спецмашинах, вспыхивал ярким изумрудно-зеленым светом.

Взяв его в руку, я опять почувствовал похожий на разряд легкий укол, будто между моей кожей и кристаллом на миг замкнулась невидимая цепь. И, словно добившись наконец от меня нужного ответа, Проникатель прямо на моих глазах затих и перестал подавать признаки «жизни».

Я быстро убрал его обратно в карман и, подняв глаза, только сейчас обратил внимание на то, мимо чего, похоже, едва не прошел и что все это время находилось буквально у меня перед глазами.

Я стоял на уже немного знакомой мне Петровской улице перед небольшим, неказистым, не привлекавшим к себе внимания, одноэтажным каменным зданием.

Прямо передо мной, так низко, что, казалось, я мог бы запросто коснуться ее рукой, висела невзрачная деревянная вывеска — «Книжная лавка». Я шагнул на низенькое крыльцо, и рука сама потянулась к ручке.

Отворив незапертую дверь, я вошел внутрь и осмотрелся. Огромный вытянутый зал, совершенно не вязавшийся своими размерами с узкой дверью и крошечным окном на входе, вызвал у меня странные противоречивые ощущения.

Хаотично расставленные стеллажи, уходившие под самый потолок, перемежались мебельными шкафами, диванами, какими-то комодами. Все это освещалось неярким светом расставленных без всякой логики торшеров с едва просвечивавшими тканевыми абажурами.

И, конечно, книги. Они были везде: на стеллажах, в шкафах, даже на диванах.

— Кино... — двигатель прогресса. — Рифмоплёт назидательным голосом опять переврал цитату классика.

— А при чем тут кино, неуч?

Я уже собрался вступить в дискуссию, как до меня наконец дошло, что все это сильно походило на киношный павильон для съемок, куда свезли весь имевшийся антикварный реквизит, и декораторы наспех слепили книжную лавку из того, что было...

Потешаясь над этой бредовой версией, я бродил по узким проходам в этом беспорядочном нагромождении заваленных книгами предметов мебели, стараясь ничего не снести при этом. В абсолютной тишине мягкий свет от зеленых абажуров создавал таинственную интригующую атмосферу, а смесь запахов пыли, дерева и кожи ее усиливали.

Обойдя очередной стеллаж, я увидел вызывающе смотревшийся среди остального хаоса чужеродный островок порядка. Картинка буквально резанула по глазам своей постановочной правильностью.

Площадку с трех сторон окружали стеллажи, с легкой художественной небрежностью заставленные книгами. На шелковом ковре без единой случайной складки, ровно по центру светового пятна стояло низкое кожаное кресло. Перед ним — журнальный столик из красного дерева. Сзади над спинкой нависал высокий торшер, мягко подсвечивавший кожу, дерево и край стола. Идеальное место для рекламного фото старинного фешенебельного отеля. Не хватало лишь еще одного, самого важного предмета...

Я медленно, словно боясь разрушить собственную логику, опустил взгляд на еле освещенный журнальный столик... Я не вздрогнул и не вздохнул от разочарования. Старинная книга в кожаном переплете лежала себе спокойно с краю стола.

Я усмехнулся. Шутливое предположение на моих глазах материализовалось во вполне настоящую, как казалось отсюда, старинную книгу.

Немного все же озадаченный, я подошел к столику и, взяв её в руки, уселся в кресло. Я даже не попытался её открыть. Сейчас меня занимало другое.

Слишком много нестыковок, странных намеков, небрежная киношная показушность. Да и вообще огромный зал, впихнутый внутрь небольшого домика.

Интересно, кто он, этот талантливый режиссер и по совместительству — манипулятор, благодаря которому я оказался в этом кресле именно с этой книгой в руках?

Я застыл в позе мыслителя, не от неё отрывая взгляд. Мысли в бешеном танце закружили в голове, обрываясь на полуслове, оставаясь так и не досказанными. Ни одной даже микроскопической зацепки не находилось.

— Куй железо, не отходя от кассы. — Рифмоплёт был прав, как всегда. Подумать о таинственном режиссере еще будет время, а пока...

Я взял оказавшуюся необычно тяжелой книгу, удобно откинулся в кресле поближе к свету и начал читать.

На обложке, на фоне фантастических пейзажей, космических кораблей и непонятных механизмов шла жирная надпись: «ВЕРШИТЕЛИ». Великие архивариусы мультивселенной.

«Вершители»... Слишком редкое и необычное слово тут же отозвалось в памяти. Я отчетливо вспомнил, где и при каких обстоятельствах я видел его совсем недавно.

Книга о Проникателе, которую я так бездарно профукал и которая, по сути, запустила цепочку событий, что и привели меня сюда, в Ярославль 1897 года. Древнейшая раса архивариусов. Я помнил, если не все, то многое из того, что тогда удалось прочитать. Вершители. Совершенные. Стронгеры. Проникатель. Война...

Я быстро пролистал страницы: рисунки, схемы, описания... Качество иллюстраций показалось мне не хуже современного, скорее даже намного лучше. Сердце в нетерпеливом предвкушении заколотилось быстрее, и мне захотелось тут же ее прочесть.

Я вскочил и чуть ли не бегом бросился к заprimеченной ранее, похожей на прилавок деревянной стойке. За ней никого не оказалось, и, растерянно озираясь по сторонам, я вдруг осознал, что за все время пребывания в этой, уже казавшейся мне мистической, книжной лавке я не слышал ни одного постороннего звука.

Заметив наконец маленький колокольчик с ручкой, стоявший на стойке, я схватил его и нетерпеливо потряс. Легкий мелодичный звон прозвучал для меня спасительным набатом настоящего колокола. Я перестал звонить и прислушался...

Подождав с минуту в этой уже казавшейся мне зловещей тишине, я собрался было повторить свою нервную арию маленького колокольчика, как вдруг за тяжелой портьерой, прикрывавшей задник прилавка, раздался протяжный скрип открываемой двери. От неожиданности я вздрогнул и непроизвольно еще крепче прижал к себе книгу.

Дверь шумно хлопнула, и послышались тяжелые неторопливые шаги.

Наконец, словно театральный занавес после антракта, портьера медленно отъехала, и из полумрака, немного опустив голову, к прилавку вышел человек. Не поднимая головы, он не торопясь подошел к стойке, по-хозяйски оперся на нее обеими руками и только тогда выпрямился и посмотрел на меня.

— Чего изволите, сударь? — спросил он ровным, безразличным тоном. Его глаза изучающе смотрели на меня, не выражая никаких эмоций.

Его глаза...

Я хотел что-то сказать, но так и не смог выдать из себя ни единого звука.

Я узнал этот взгляд, это лениво-пренебрежительное выражение лица. Еще тогда, на обложке книги, исчезнувшей в московском метро, оно меня поразило.

На меня смотрел Писатель. Живой. Автор, которого не существовало ни в одном поисковике моего мира, стоял передо мной за прилавком книжной лавки в Ярославле.

Глухой тяжелый звук выпавшей из безвольных пальцев книги вывел меня из оцепенения.

Я судорожно схватил книгу с пола и неловким движением, так что она опять чуть не упала, отряхнул с нее несуществующую пыль и потеющими пальцами достал из кармана смятую пачку банкнот.

Так и не решившись взглянуть на Писателя еще хоть раз, я, в полном замешательстве, скороговоркой выдал из себя что-то невнятное про «неожиданно, так повезло, не ожидал встретить, спасибо» и быстро сунул ему в руки пять рублей. Даже не задумавшись, хватает ли денег, я пулей вылетел на улицу.

Свежий воздух и знакомый вид «Царьграда» меня немного успокоили. Я заметил небольшую кофейню на противоположной стороне улицы. Сейчас это было очень кстати. Перешел дорогу и, сделав еще буквально пару шагов, уселся за свободный столик. Заказав кофе, я невольно наткнулся глазами на загадочную книжную лавку. Теперь, когда я отчетливо мог видеть все здание целиком, я был уверен, что тот огромный зал, по которому я бродил еще несколько минут назад, физически не смог бы в нем уместиться. Ну разве что я стал жертвой оптического обмана, иллюзии...

Я задумался... В этот момент из лавки вышел Писатель. Он деловито запер дверь, осмотрелся и уверенной походкой начал удаляться в противоположную от меня сторону. И это совсем не походило ни на оптическую, ни на какую другую иллюзию.

Это была реальность, объяснить которую у меня пока не получалось. Я практически залпом выпил уже немного остывший кофе, надеясь хоть немного приободрить свой забуксовавший мыслительный процесс.

Но мысли упорно возвращались к Писателю. Я не мог принять версию о том, что мы оба оказались здесь случайно... Это уже было похоже на некую систему. Систему, которую кто-то контролирует. И, возможно, не только меня одного. Этот неожиданный вывод меня несколько не успокоил, скорее наоборот...

Я взял книгу и за пару минут добрался до парадного входа «Царьграда», все это время пытаюсь, если не остановить, то хотя бы притормозить нарастающую в моей голове панику.

Лысый писатель со странным, запоминающимся взглядом, не давал мне покоя. Этот, живший лишь в моем воспоминании, Эдвард Гофман реально существует. Я встретил его. И где? В мире, где я сам оказался лишь пару дней назад?

Встретив удивленный взгляд придверника, мне вдруг показалось, что свой последний вопрос я задал уже вслух, причем в довольно агрессивной форме.

Улыбнувшись ему в ответ, я быстро прошел в вестибюль и, не обращая внимания на застывшего в приветственном поклоне портье, уже бегом взлетел по лестнице и буквально ворвался в свой номер.

Я захлопнул дверь, прислонился к ней спиной и глубоко вдохнул, пытаюсь перевести дух. Немного отдышавшись, я прошел в спальню, открыл балкон, положил книгу на журнальный столик и с облегчением рухнул в кресло.

Посмотрел на ставшую уже привычной кровать, на которой я впервые ощутил себя в этом мире...

Елена, Степан, Князь. Теперь еще этот Писатель... Этот, казавшийся поначалу таким забавным и безобидным загадочный мир, бесцеремонно и грубо начал вмешиваться в мою жизнь, без разрешения вторгаясь в мое личное пространство. Но если со Степаном и Еленой было все понятно — они здесь просто жили, то с Писателем... Откуда он здесь взялся? Как он здесь вообще мог оказаться?

— Я всегда говорил, что ты наивный павлин, Антонио. Маленький самовлюбленный павлин. Ты думаешь, ты такой тут один-единственный, что ли, реально? — Судя по голосу, Рифмоплёт едва сдерживал свое раздражение.

Я достал из кармана Проникатель и положил его на книгу. Проникатель тут же ожил. Немного пожужжал, вибрируя, и заискрился, переливаясь мягким изумрудным светом. Проникатель... Об этом, правда твоя, Рифмоплёт, я в таком ключе еще не думал. И если эта гипотеза и не отвечала на вопрос «Зачем?», то на вопрос «Как?» ответ выглядел вполне логичным. Неправдоподобным, не единственно верным, но логичным и вполне возможным. Теперь, пожалуй, впервые за день, эта мысль не казалась больше издевкой. Если Проникатель привел сюда меня, то почему бы и не того Писателя тоже?

Мне захотелось вернуться в лавку и поговорить, расспросить его, выяснить, что он знает, почему он здесь. Кто он, наконец, такой? Человек?.. Или...

Эта мысль, хоть и пугающая, принесла некоторое облегчение. Появился план, пусть и наивный, но конкретный, простой и вполне исполнимый.

Вот теперь я был готов приступить к чтению. Чтобы хоть немного отвлечься от всех этих Проникателей, Писателей, невозможных гигантских залов, живущих внутри книжных лавок, хорошо было бы немного перекусить, и я, недолго думая, дернул за шнур звонка.

— Душепарки и пискунов, любезный.

Заметив, как изменился в лице подоспевший на мой вызов коридорный, я тут же исправился:

— И... попискунчиков, голубчик. Да, попискунчиков.

Услышав, уже где-то у выхода из номера, заразительный смех все-таки не сдержавшегося коридорного, я улыбнулся. Мое настроение явно улучшилось.

Ожидая заказ, я переоделся в полюбившийся мне просторный гостиничный халат. Вместе с комфортом вернулось и легкое ощущение контроля. Не полного, конечно — после

встречи с Писателем об этом можно было пока только мечтать, — но достаточно, чтобы снова открыть книгу, а не бегать кругами по номеру с выпученными глазами.

Когда половой, доставивший поднос с волшебной пахнущей душепаркой и корзинкой душистых, румяных мини-пирожков, ушел, я взял книгу и вышел на балкон. Устроился поудобнее в плетеном кресле.

Глоток горячей душепарки приятно обжег горло, плавно соскользнул в желудок. Я на минуту прикрыл глаза, прислушиваясь к так полюбившимся мне ощущениям от поистине волшебного воздействия напитка. Пирожки, радуя взгляд, ожидали своей участи. Тревожность улетучилась. Я был спокоен, как боги на Олимпе. Ну, почти...

Я посмотрел на книгу, вот теперь я был готов наконец-то к неторопливому вдумчивому чтению. Я взял «Вершителей» и открыл первую страницу.

Знакомые слова: Вершители, Совершенные, Стронгеры... — присутствовали практически на каждой странице.

Книга раскладывала их не как мифических персонажей легенды, а как части огромной, сложной, запутанной системы, разбросанной в пространстве и времени: кто наблюдал, кто судил и вмешивался, кто нарушал законы и правила, и кто потом эти законы восстанавливал.

Текст был написан строгим, сухим языком, совершенно не раскрывавшим отношение автора к описываемым событиям. По манере изложения книга была похожа скорее на справочное издание.

Многое ускользало от моего понимания. Термины цеплялись за другие термины, фундаментальные законы мультивселенной требовали знаний, которых у меня не было. Но одно становилось ясно — Проникатель был не игрушкой и не случайным магическим артефактом. Он принадлежал к миру, где сама магия была не чудом, а лишь технологией.

Книга изобиловала иллюстрациями, картами, схемами. Изредка встречались и рисунки, казалось, сделанные просто от руки.

Я надолго завис над «Картой мультивселенной» (именно так было написано под рисунком), пытаюсь найти хоть какую-то логику в красивой, но абсолютно непонятной картинке, напоминавшей мне бутон гигантской розы с полураскрытыми лепестками разных цветов.

Я сидел и, как зачарованный, смотрел на эту «розу», уже давно не пытаюсь разгадать ее тайну. Вместо этого я начал размышлять о другом: что, если мы не одни во вселенной и такая «роза» и правда существует, то что мы для нее? Случайная песчинка под ногами, участники эксперимента или просто расходный материал для чужой игры? И сколько придется заплатить человечеству за право хотя бы задать этот вопрос?

Начинало темнеть... Я уже давно заметил эту странную особенность. Каждый день в этом мире по утрам и вечерам солнце вставало и заходило ровно в течение одной минуты, словно по таймеру.

Минута — закат — и полная темнота; минута — рассвет — и сразу светло на всю катушку. Забавно, но жить можно. Если не думать, конечно, о том, кто именно включает этот таймер.

Я посмотрел на столик. Душепарка выпита, пирожков не осталось. Не дожидаясь наступления полной темноты, я взял книгу и переместился в спальню. В кресле я уже достаточно насиделся, поэтому прямо в халате улегся на кровать.

Включив ночник, я взял книгу в руки и, вновь ощутив приятную шероховатость кожного переплета, наугад открыл страницу. Это оказался раздел про Стронгеров — история их развития, достижения, технологии.

Пробежав глазами пару страниц, я наконец осознал, что довольно-таки уже подуставшему к этому времени от переизбытка информации мозгу давно требовался перерыв.

В кровати было тепло и уютно, вставать не хотелось, и я, как в детстве, стал лениво переворачивать страницы в поисках интересных картинок.

И вот, перевернув очередную страницу, я вдруг замер...

Затаив дыхание, я смотрел на четкую графику рисунка, изображавшего нечто, вроде шлема, или сложного головного убора. Симметричные пластины по бокам, сферическое навершие, обтекаемая форма, напоминавшая одновременно и древний шлем русских витязей, и футуристический шлем-коммуникатор из навороченных фантастических фильмов.

Я, почувствовав, как глубоко внутри начинает стремительно прорастать тревожное напряжение, глубоко вдохнул. Вечер переставал быть томным...

Я отложил книгу, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Где-то я уже это видел. В голову ледяной иглой вонзилось предчувствие беды, и сразу вспомнилась Елена...

— Ты что, дуришь, Антоша? Много шлемов в своей жизни видел? — Голос Рифмоплёта дрожал от негодования. — Еще Елену сюда тащишь. Она-то тут при чем?

Я мрачно усмехнулся...

Рифмоплёт понапрасну нервничал. Память уже давно выдала мне всю цепочку. Елена. Ее отец. Портрет Князя в газете со странным шлемом на голове...

И теперь эта прочная цепь неумолимо подводила к ответу, который мне совершенно не хотелось произносить...

Я нервно сглотнул...

— При том, Рифмоплёт, — собравшись с духом, наконец ответил я.

— Очень может быть, что при всем... — вырвался сдавленный шепот из моей груди.

Я, отложив книгу в сторону, выключил свет и так и остался лежать в темноте с закрытыми глазами.

Глава 8. Человек без прошлого

Перевозбужденный мозг яростно отбивался от волн полудремы, плавно накатывавшихся на меня время от времени. Раз за разом, когда мерцающее сознание уже было готово погрузиться в сон, я начинал видеть менявшие друг друга образы: четкие линии симметрии шлема, газетный портрет, надменный княжеский взгляд. В этот момент мои глаза открывались и все начиналось сначала.

В один из таких переходов я понял, что поспать сегодня, видимо, не придется. Я включил свет, забрал книгу с кровати и перешел на кресло. Глядя на Проникателя, окутанный еле заметным для глаз изумрудным свечением, я понял, что идея с чтением оказалась не очень удачной.

Так я точно не засну как минимум до утра и весь день буду ходить вареным. А завтра — важный день. Мне обязательно надо встретиться с Еленой. Да и вообще, судя по тому, как развивались события, день обещал быть непростым.

Я положил книгу на стол рядом с Проникателем. Пока я поудобней устраивался в кресле, мне на мгновение показалось, что Проникатель «вздрогнул», а книга «в ответ» замерцала таким же изумрудным светом. Нервно моргнул, и когда глаза снова сфокусировались на столе... я облегченно вздохнул. Померещилось. Надо не забыть спросить Степана про успокоительное, а то так и до гаюльников недолго, — невесело пошутил я и скривился в улыбке.

— Итак, что мы имеем, — я подозрительно скосился на книгу и продолжил.

К моей и так непростой ситуации (Я — Степан — Елена — Ее отец — Князь) добавилась еще одна, находившаяся пока вообще за гранью моего понимания: Я — Писатель — Книга — Шлем Стронгеров — Князь.

Я еще не понимал причин, но уже было ясно, что пытаться все объяснить совпадениями и случайностью — это просто глупый самообман, больше походивший на побег от реальности.

Но если в этом мире все так взаимосвязано, то это уже не моя личная история. Это уже конструкция, система. Ее кто-то собрал и ей управляет. Управляет по всему виду и мной в том числе.

Эта мысль мне не понравилась. В ней явно звучала угроза. А на угрозу, как учили меня с детства, всегда надо отвечать. Не философствовать с умным видом, не мямлить, пуская слюни, а действовать.

Если я внутри системы, значит, можно и нужно хотя бы попытаться понять ее правила. Надо уже принять наконец, что в этом мире невозможные события возможны и происходят в порядке вещей. И перестать на них так нервно реагировать.

— Трезвый ум и холодный расчет. Слова не мальчика, но мужа, — одобрительно отозвался Рифмоплёт.

Редкая похвала Рифмоплёта произвела на меня приятное, немного успокоившее впечатление.

Давящая боль в висках исчезла, напряжение спало.

— Спать. С рассуждениями на сегодня покончено. Теперь — только спать. — Я зевнул, потянулся и, взглянув украдкой на книгу, завалился в кровать.

Утренний свет залил номер, отчего я поморщился. Половой опять успел раздвинуть шторы, пока я спал. Хотя уже два раза просил не делать этого без моей личной команды.

— Ладно, сейчас не это главное, — подумал я и, погасив легкую волну раздражения, прислушался к своим ощущениям.

С утра был бодр, полон сил, с ясной головой. Будто и не было вовсе этой бессонной тревожной ночи. Сон, словно внезапный летний ливень, начисто смыл с меня остатки паники, тревоги и переживаний.

Я смотрел сквозь распахнутую дверь на этот мир, слушал его ставшие уже привычными звуки... Мир. Система. Правила...

Поднялся, прошел в ванную и, глядя на свое довольное отражение, продолжил мысленный монолог. Правила. Простые или сложные, но одни для всех. И я их обязательно вычислю. Улыбнулся, подмигнул отражению и включил душ.

Выйдя из ванной комнаты, сразу прошел на балкон, где меня уже ждала чашка вкуснейшего кофе. Я удовлетворенно улыбнулся. С кофе мой коридорный всегда справлялся на отлично. Я уселся в кресло и посмотрел вдоль улицы. Все, как обычно. Люди, кареты, жандармы.

Елена... Надо обязательно встретиться с ней сегодня, поговорить о ее отце, наметить план действий, рассказать о...

— Да скажи ты уже просто, что соскучился, — прервал мою тираду Рифмоплёт. — А то планы у него... Ведешь себя как мальчишка, Антонио. Ей-богу.

Моя рука потянулась к чашке, отвлекая от возникшего смущения.

Да. Я скучал по Елене. Ровно с того момента, когда она вышла со Степаном из его гостиной. Скучал. Но признаться в этом, даже себе самому, было как-то неловко. Хотя скорее непривычно, наверное.

Это было для меня совершенно новое, необычное состояние и с этим ощущением мне еще только предстояло разобраться. Я опять вспомнил о костюме, который я так и не купил вчера. Ходить в этой «взятой напрокат» одежде, мне было уже физически неприятно.

— Решено, — подумал я. — Сначала в магазин и сразу к Елене.

Подлил себе немного кофе и тут мой взгляд выхватил посторонний для утреннего кофейного ритуала предмет. На столе прятавшийся все это время за кофейником лежал белый конверт с сургучной печатью.

Я, с удовлетворением отметив отсутствие даже намека на панику, недрогнувшей рукой спокойно поднес его к глазам.

На штампе Городского Полицейского Управления Ярославля в графе «Кому» красовалась моя фамилия. И ниже — сделанная от руки надпись: «Доставить лично».

Не могу сказать, что это оставило меня равнодушным, но паники на этот раз не последовало. «Трезвый ум и холодный расчет» — фраза всплыла перед моими глазами и застыла. Ночной аутотренинг действовал...

Я вскрыл конверт и бегло ознакомился с содержанием: «Господин Орлов. Вам надлежит явиться сегодня в 11:00 в кабинет начальника городской полиции».

— Покой нам только снится, — поэтично оформил мою мысль Рифмоплёт.

— Да, — усмехнувшись, я продолжил за Рифмоплётом:

— Это даже не «С корабля на бал», а «Бал прямо на корабле» какой-то. Вчера — Писатель. Вечером Князь. Сегодня с утра — начальник полиции...

Система, не дожидаясь моих действий, делала свои непредсказуемые ходы.

Я аккуратно сложил письмо в карман и посмотрел на часы. До магазина одежды, рекомендованного Степаном, было совсем недалеко, адрес я помнил.

— Успею, — подумал я. — А если и опоздаю — подождут. Ничего страшного. У меня тоже есть правила.

— Дерзить изволите, сударь. В карцер его, — хриплым, каркающим голосом явно одобрительно оценил произошедшие во мне перемены Рифмоплёт.

— Карцер, так карцер. Зато при полном параде...

Я, не став развивать мысль — чем полный парад смог бы помочь мне в карцере, — вернулся в спальню и начал собираться.

Через десять минут я уже стоял перед витриной магазина. На манекене был костюм, напомнивший мне костюм Степана, и это стало решающим фактором: вкус Степана мне нравился и совпадал с моим.

Время для раздумий не оставалось. Я зашел внутрь и просто показал жестами продавцу на манекен, на себя, потом на часы. Продавец оказался с юмором. Он молча, многозначительно качнув головой, быстро снял с манекена костюм, на глаз прикинул размер и жестом указал на примерочную комнату.

Выйдя из магазина уже «при полном параде», я посмотрел на опустевшую витрину и махнул рукой улыбавшемуся мне продавцу. Ровно в 11:00 я постучал в дверь начальника городской полиции Ярославля Борцова В. А., как было написано на табличке.

Подождав пару секунд для приличия и так и не дождавшись приглашения, я вошел в кабинет. Аккуратно прикрыл за собой дверь и осмотрелся.

Кабинет был довольно большим. До размеров моей спальни ему, конечно, далеко, а уж про гостиную и вообще говорить не приходилось.

Человек за столом внимательно изучал какой-то документ в руках и никак на меня не реагировал. Свет от большого окна, расположенного прямо за его спиной, немного меня слепил, мешая рассмотреть выражение лица.

Обстановка была строгой и функциональной. Массивный дубовый стол, шкаф с аккуратно расставленными папками. Небольшой комод со стоявшим на нем металлическим сейфом. Ничего лишнего.

Единственным отклонением от этого спартанского минимализма был небольшой портрет в золоченом багете, висевший на боковой стене. Я присмотрелся и ничуть не удивился увиденному.

Князь Берест, правда, без шлема, но при регалиях, надменно смотрел со стены, словно наблюдая за присутствующими. Без шлема он выглядел, конечно, гораздо человечнее, но и свою высокомерную насмешку никуда не прятал...

Я наконец оторвался от картины и снова повернулся к столу.

Виктор Александрович Борцов, начальник полиции города, не скрывая интереса, внимательно меня разглядывал. Он не поднялся. Не протянул руки. Только кивнул на стул напротив.

— Садитесь.

Я подошел к столу. Немного развернул стул и сел. Спина прямая. Руки на коленях.

Борцов открыл папку.

— Таак... Москва. Кофейная фабрика. Торговля. Услуги населению, — голос Виктора звучал монотонно и немного устало.

— Адрес: Останкино...

Борцов немного удивленно, как мне показалось, посмотрел на меня.

— Интересный выбор района.

Я молча выдержал его взгляд.

— Странно, — подумал я. — Что теперь с Останкино не так-то? Район как район. До центра недалеко. Удобно.

— Не мороси, Антоша, еще не вечер, — голос Рифмоплёта был на удивление спокоен.

Виктор перелистнул страницу.

— Родители?

— На пенсии.

— Чем занимались?

— Отец — инженер. Мать — бухгалтер.

— В каком году открылась ваша фабрика?

Вопрос прозвучал спокойно. Буднично.

Я вдруг посмотрел на портрет Князя. Его хищный взгляд сразу вцепился в меня, и я почувствовал, как внутри что-то сжалось. Вопрос таил в себе явный подвох... а ответ в моей легенде продуман не был.

— Виктор А-а-а..., — запнулся я, пытаюсь выиграть себе пару лишних секунд.

— Александрович, — поднял он глаза.

— Простите, Виктор Александрович. Дело в том, что несколько лет назад я случайно...

— Несколько — это сколько? Отвечайте на вопрос.

Виктор, не поддавшись на мою уловку, равнодушно прервал мою импровизацию. В наступившей тишине стало отчетливо слышаться тиканье настольных часов, в одиночестве украшавших казенный стол.

Я посмотрел на Виктора.

— Ну что ж. В лотерею мы еще сегодня не играли, — промелькнула беспомощная мысль.

— Три, — я назвал свое любимое число.

— Понятно. — Виктор закрыл папку и нажал кнопку на столе.

В коридоре послышались гулкие шаги.

Я замер...

Дверь приоткрылась. На пороге появился жандарм.

— Пригласите писаря, — ровным, спокойным голосом произнес Борцов.

— Слушаюсь, Ваше благородие. — Жандарм кивнул и исчез.

Я почувствовал, что вот сейчас во всей этой истории впервые по-настоящему запахло керосином...

До сих пор Виктор со мной просто разговаривал. Если, конечно, это можно было назвать разговором. А вот писарь — уже совсем другое дело. Писарь, протокол. Это уже серьезно. Арест, камера...

— Правильно, Антоша. Карцер! При полном параде, как ты и хотел, — неунывающего Рифмоплёта явно не напрягало такое развитие событий.

— Тебя еще тут не хватало, — не выдержал я, и тяжело вздохнул.

Виктор, методично перебиривший бумаги все это время, закончил наконец свою важную работу, и отодвинул папку в сторону. Наши глаза встретились...

— Скажите, господин Орлов, — произнёс он всё тем же спокойным голосом, — вы часто меняете имя?

— Что, простите? — глупо переспросил я, перестав понимать, что происходит.

— Или место жительства?

— Или... время? — Последний вопрос прозвучал почти небрежно.

— Время?! — Я на секунду вдруг почувствовал себя преступником, услышавшим смертельный приговор.

Борцов смотрел на меня внимательно, не выказывая эмоций.

— Я не люблю путаницы в документах, — продолжил он. — Особенно когда человек без прошлого появляется в городе.

В наступившей тишине я продолжал лихорадочно думать, понимая, что сейчас любое лишнее слово может стать решающим.

Шаги в коридоре приблизились, и Виктор чуть наклонился вперед.

— Господин Орлов. Если бы я хотел вас арестовать, вы бы уже давно сидели в камере.

Шаги остановились у двери.

— Но меня интересует не это.

Дверь приоткрылась.

— Писарь будет через минуту, Ваше благородие, — донесся голос жандарма.

Виктор, не отводя от меня глаз, скомандовал:

— Отставить.

Дверь закрылась и в кабинете снова наступила тишина.

— Вы здесь не случайно, Орлов, — произнёс Виктор.

— Вопрос только, зачем?

На этом слове что-то неуловимо изменилось в его голосе, взгляд стал живым. Мне показалось, что этот вопрос задал уже совсем другой человек и вопрос этот был явно не риторическим...

— На сегодня достаточно. — Виктор захлопнул папку.

И, уже вручая мне пропуск, добавил:

— Вы свободны.

Я вышел из кабинета, бросил взгляд на невозмутимое лицо жандарма, стоявшего возле двери, и направился к находившейся в конце длинного коридора лестнице, ведущей на первый этаж.

От перенапряжения меня легонько потряхивало. Тупая вязкая боль в сжатых долгое время в стальную пружину мышцах постепенно уходила.

Застоявшаяся кровь разгонялась по сосудам, вызывая неприятное покалывание во всем теле.

— Да. Нелегко мне далась эта встреча, — подумал я, придерживаясь подрагивавшими пальцами за лестничные перила. Мимолетная радость обретенной свободы вскоре сменилась раздражением. Я остался недоволен этим разговором и прежде всего самим собой.

Я злился на то, что так расслабленно отнесся к проработке легенды, что так быстро принял навязанные Виктором правила, что недостаточно контролировал свои эмоции.

— Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу, — ни к селу ни к городу, неожиданно вставил Рифмоплёт.

— Хотя почему нет? — задумался я. — Что привело к тому, что сейчас я уже на полном серьезе стал ощущать себя подобно разведчику в стане врага?

Да. Я уже давно понял, что этот мир далеко не так прост, как казался в начале. Но, чтобы вот так, просто сказанные мной невпопад слова могут привести к печальным последствиям?

Это понимание возникло только сейчас, после встречи с Борцовым. Я отдал пропуск и вышел на улицу. Мысли вновь вернулись к разговору. Я присел на стоявшую недалеко от входа скамейку, повращал головой, разминая все еще болевшую затекшую шею.

— Итак, Виктор. Мне начинало казаться, что я приблизился наконец к правильному пониманию ситуации.

Это был не разговор, не игра в допрос. Это была проверка. И проверял меня не просто чиновник.

Проверял начальник полиции города, считай, что правая рука Князя.

Фигура, о которой я уже успел прочитать в газете. Человек, ловивший заговорщиков, следивший за порядком в городе и докладывавший обо всем напрямую во дворец.

В нормальной логике мира всё было бы просто.

Он меня вычисляет. Арестовывает. Передаёт князю. Получает благодарность.

Я для него — легкая добыча.

Без прошлого. С легендой, собранной на ходу, не выдержавшей элементарной проверки.

Он не сдал меня, хотя мог... Он был просто обязан так поступить, но не сделал этого.

Значит, я ему нужен. Или...

Я мысленно вернулся к одному слову: «Время».

Он тогда не оговорился. Он знал, куда нужно давить. В самую невозможность моего появления. Этот отвлекающий маневр, а потом внезапная стремительная атака. Сцена была сыграна идеально. И я заглотил наживку.

И писарь ему был нужен не для протокола. Он был нужен для меня. Чтобы поверившая в этот спектакль добыча сама зашла в приготовленную для нее клетку, да еще и аккуратно прикрыла дверь за собой.

Я невольно усмехнулся. Виктор Борцов оказался серьезным противником. Мастером своего дела. И это не могло не вызывать уважение.

Власть. Опыт. Холодная невозмутимость. Другими словами...

— Трезвый ум и холодный расчет. — Отпечаталась фраза в голове.

Я напрягся. Уже второй раз за день я произносил эти слова. Так, значит, он тоже... не просто винтик в княжеской машине?

— Спешить — меня смешить, — отреагировал на мой смелый вывод Рифмоплёт.

С такой постановкой вопроса я был абсолютно согласен. Пока это была просто красивая, неожиданная гипотеза, не больше того.

Я вдруг вспомнил о кофейне неподалеку и улыбнулся. Пить кофе с видом на полицейское управление, похоже, начинало становиться традицией.

Через пару минут я уже сидел за столиком знакомой кофейни и с интересом посматривал на прохожих. Я специально сел спиной к этому мрачному двухэтажному зданию, и, когда, оторвав взгляд от меню, вновь бросил взгляд на улицу, легкая улыбка скользнула по моему лицу. Я вдруг на секунду представил себя на необычном показе мод, сидящим в метре от подиума, по которому не спеша, о чем-то увлеченно болтая, прохаживаются модели в красивых старинных, но казавшихся абсолютно уместными здесь и сейчас, нарядах.

Удачная метафора меня позабавила, но навела на другую, странную мысль. Что, если это система, так старательно заставляя меня вновь и вновь подтверждать реальность этого мира, просто пытается отвлечь от чего-то важного, направить меня в другую, нужную ей сторону?

— Готовы сделать заказ, господин? — Голос официанта вернул меня к действительности.

— Принесите мне... — Я замялся и вдруг, к удивлению официанта, выдал:

— А у вас есть душепарка, любезный? — и, не дожидаясь ответа, добавил:

— Графинчик. Да побыстрей.

— Надо подуспокоиться немного, а то я уж чересчур разгорячился, — подумал я, глядя вслед удалявшемуся официанту. Уже через десять минут, в очередной раз подтвердив превосходный успокоительный эффект душепарки, я был готов продолжить свое внутреннее расследование.

Мысль о Борцове как о неотъемлемой части системы не давала мне покоя. Один за другим посыпались вопросы.

Если он игрок, то чей? За кого он играет? За князя? За себя? За кого-то еще? Какая у него цель?

Если он не арестовал меня сразу, значит, он не спешит, знает, что я никуда не денусь. Сомневается. Хочет добрать информацию.

К тому же совершенно непохоже, что он играет за Князя. Но тогда за кого и с какой целью?

Ответы не находились, и это уже начинало меня понемногу доставать. В поисках хоть какой-то зацепки, я снова и снова, перебирал в голове детали допроса.

Ни одной прямой угрозы. Ни одного прямого обвинения.

Но каждое слово Борцова било по мне, словно выверенный удар кия по шару. Каждый раз уже немного другой: под другим углом, с другой силой, в другое место. Мне показалось, что я наконец понял цель Виктора.

Он явно искал мое слабое место, чтобы... увидеть, как я держу удар. Но тогда, если я прав, то получалось, что эта игра в кошки-мышки еще не закончена, и продолжение, пусть неизвестно когда, но обязательно последует...

Я налил еще стаканчик душепарки. И вот тут, впервые меня осенила мысль, от которой стало по-настоящему интересно:

А что, если он не просто служит системе... а встроен в неё? так же, как и я. От этого, хоть и совершенно необоснованного предположения, мне вдруг стало немного не по себе. И я, смакуя этот невероятный, интригующий, но однозначно имевший право на жизнь, вариант на вкус, медленно повторил про себя еще раз:

- Как и, Я?

В этот момент уставший от напряженной работы мозг, мгновенно уловивший повод избежать погружения в новую спираль размышлений, тут же выдал образ: Виктор сидит за столом в своем кабинете и с мечтательной улыбкой на лице тянется своим грубым толстым пальцем к мерцающей кнопке Проникателя.

Я не удержался и прыснул со смеху, расплескав при этом на себя стакан с недопитой душепаркой.

Вскочил и принялся лежавшими на столе салфетками пытаться вытереть с одежды еще не впитавшуюся жидкость, как вдруг в воздухе повеяло знакомым ароматом, мелькнула тень, и следом перед глазами возникла миниатюрная женская рука, тщательно протиравшая белым носовым платком лацкан моего пиджака.

Я в недоумении поднял голову и замер от неожиданности. Мы с минуту смотрели друг другу в глаза, а потом она громко рассмеялась. Я стоял с испачканными душепаркой салфетками в руках и, пытаясь сообразить, как мне быть в такой ситуации, в растерянности озирался по сторонам.

От души насмеявшись, Елена перевела дух и, не переставая улыбаться, сказала:

— Какой вы все-таки смешной, Антон. Видели бы вы сейчас себя со стороны.

Я наконец пришел в себя, побросал на стол прилипшие к рукам салфетки, посмотрел на распolzшиися по всему пиджаку пятна и взглянул на Елену.

— Подожди, — вдруг сказала она и быстрым движением заботливо провела платком по моему подбородку. И будто в оправдание себе добавила: — Ты запачкался, — показывая мне при этом испачканный платок.

Я улыбнулся и сказал:

— Я хотел увидеться с Вами сегодня, Елена.

Она положила руку мне на плечо и, не в силах больше сдерживаться, разразилась таким искренним, заразительным смехом, что через секунду я и сам последовал ее примеру. Отдышавшись, я вновь посмотрел на Елену. Она приложила указательный палец к губам и уже сдержанно сказала:

— Только ничего не говори, Антон, пожалуйста. Просто пойдем со мной. Я, кажется, знаю, где нам лучше всего это исправить. Сначала приведем тебя в порядок, а потом и поговорим.

Она взяла меня под руку, и мы неспешно двинулись вдоль улицы. Я шел ни о чем не думая, слушая ее голос, ощущая тепло ее руки, наблюдая за ее развевавшимися под изящной шляпкой медно-рыжими волосами.

Все мысли, планы, переживания и тревоги остались там, в этой маленькой кофейне. Я ни о чем не мечтал, ни о чем не жалел. Весь окружающий мир сейчас для меня умещался лишь в одном слове: «МЫ».

И лишь только это «МЫ» сейчас и имело значение. Теперь я знал, каким может выглядеть счастье...